

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВЛАДИМИР ЛЕЩЕНКО

РУССКИЙ С «ТИТАНИКА»

Исторические приключения (Вече)

Владимир Лещенко
Русский с «Титаника»

«ВЕЧЕ»

2019

Лещенко В. В.

Русский с «Титаника» / В. В. Лещенко — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8113-0

Весной 1912 года частный сыщик Юрий Ростовцев вместе с десятками других подданных Российской империи поднимается на борт трансатлантического лайнера «Титаник», идущего в первый рейс, в Нью-Йорк. Отправляясь в этот город по делу, Ростовцев и подумать не мог, что настоящее дело ожидает его не в Нью-Йорке, а на борту «Титаника»... Кто и зачем расправился с одним из русских пассажиров? Почему в команде лайнера оказался боевик-эсер – старый знакомый сыщика? Как со всем происходящим связан знаменитый Тунгусский метеорит? Чтобы найти ответы на эти и другие вопросы, у Ростовцева ровно четыре дня. Четыре дня на то, чтобы, возможно, спасти «Титаник». И на то, чтобы спасти мир.

ISBN 978-5-4484-8113-0

© Лещенко В. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Часть первая. Ковчег железного века	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Владимир Лещенко

Русский с «Титаника»

© Лещенко В.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Памяти погибших при крушении «Титаника» подданных
Российской империи посвящается*

Часть первая. Ковчег железного века

Жить – не обязательно.

Плыть – обязательно.

Юлий Цезарь

Глава 1

10 апреля 1912 года. Юго-Восточная Англия

Поезд достиг Саутхэмптона в десять тридцать, опоздав на четыре минуты.

Город оказался ровно таким же, каким представлялся по картинкам и фото, и тем даже несколько разочаровал Ростовцева.

Аккуратные маленькие красно-кирпичные дома под красной же тронутой мохом черепицей, водосточные трубы и бульжник мостовых. Ухоженные крошечные садики и прекрасные английские газоны, своим качеством обязанные тому, что траву на них подстригают уже многие поколения обывателей. Прохожие на улицах – докеры, матросы, женщины в дешевых кричащих одеждах – и запах соли и йода, приносимый ветром с моря. Почему-то на этих улицах чужого города Ростовцев ощутил прилив сил, хотя дорога таки изрядно вымотала его. Он ведь без малого пять дней в пути.

Двое суток в комфортабельном купе берлинского экспресса, затем Париж.

В этой «столице Европы» он, впрочем, не задержался – лишь в вокзальном магазине купил разные дорожные мелочи да поменял рубли на фунты. Потом прокатился в подземке по маршруту «Де Венсен» – «Порт Майо» в забавном поезде из трех деревянных вагончиков на резиновых шинах, которые катились по специальным дорожкам, сделанным из бетона. Стоило это удовольствие всего пятнадцать сантимов – по курсу меньше гривенника.

По выходе из парижской «подземки» – пересадка уже на обычный поезд, идущий в Гавр, потом качка на маленьком голландском пароходике до Дувра – все по заранее купленным через контору искусника-Кука билетам.

Затем шумный и громадный Лондон. Юрий не упустил случая воспользоваться и тамошним метрополитеном – как-никак по-прежнему чудо прогресса (хотя уже полвека в следующем году исполнится!), о чем быстро пожалел.

Поездка через подземный лабиринт, лежавший «глубже, чем могилы», как говорил какой-то писатель, то на пытящем и дымящем паровозе, то на воющем и сыплющем синими искрами высоковольтном электрическом локомотиве изрядно вымотала, а заполнявший тоннели пахнувший серой угольный дымок вяз в зубах, словно бы он жевал спички.

Станция Бейкер-стрит, станция Уиллесден-Грин, станция Айлесбери-Таун и Уэрни-Джанкшен... Переходя с линии на линию то подземными тоннелями, освещенными газом, то по улицам, он затратил вместо двадцати минут, как в кебе (если верить путеводителю от все того же Кука), час с лишним и стал беднее на полфунта.

Если питерское метро, о котором все чаще поговаривают в столице, будет таким, ну его ко всем святым такую затею!

На Паддингтонском вокзале (начиналось утро, и в бледно-молочном лондонском тумане неясно рисовались силуэты прохожих и зданий) он сел в забавный трехосный вагон саутхэмптонского поезда Восточно-Английской железной дороги. Тот, признаться, удивил Ростовцева отсутствием коридоров и купе с дверями на перрон. И была трехчасовая поездка в обществе молчаливого датчанина и болтливой англичанки, миссис Гордии, из захоластного городка

в Нортгумберленде – какого-то Квоттерширра. Дорожный досуг она посвятила перебиванию косточек земляков.

Рассказ ее создавал впечатление, что Квоттерширр с его пятью тысячами жителей по части грехов и распутства заметно превзошел Содом и Гоморру. Выслушав повесть об обитателях сего града греха – от директора банка мистера Гарри Уэста, транжирящего сбережения клиентов на любовницу, артистку из бристольского кабаре, до портнихи Мэгги Уайт, родившей двух детей от родного дяди, приходского священника, и судьи сэра Робинсона – «содомита, каких поискать», можно было лишь удивляться, почему на Квоттерширр еще не обрушился с небес дождь из огня и кипящей смолы.

Впрочем, за два с лишним часа пути список городских непристойностей в изложении почтенной вдовицы делался откровенно-скучным. И если поначалу сплетница даже развлекала Ростовцева, то под конец стала откровенно занудной.

Чтобы отвлечься, Ростовцев принялся смотреть в окно. Короткие вагоны катились вперед, побрякивая на стыках чугунных рельс. В широких окнах купе мелькали опрятные фермы, особняки, затем они уступили вересковым пустошам и дубовым и тисовым рошам.

Стоял пасмурный весенний день, в разрывы облаков выглядывало бледно-голубое небо.

«Красивая все же страна, – рассеянно подумал вдруг Юрий. – А еще удачливая – враг не ступал на ее землю восемь веков уже».

А потом на горизонте вдруг возникла серо-синяя полоска моря и замелькали дома и пакгаузы Саутхэмптона.

Сверяясь с картой путеводителя, Ростовцев прошел пару кварталов и, наконец, увидел цель своего путешествия – «Титаник», чей силуэт закрывал небо над очертаниями остроконечных крыш. По мере того как Юрий приближался к исполинскому кораблю, он явственно различал четыре огромные трубы, высокие радиомачты, вокруг которых кружились чайки, ярусы палуб и блеск огромных иллюминаторов.

И вот Юрий Викторович Ростовцев – тридцати двух лет, житель города Санкт-Петербурга и стряпчий по уголовным и гражданским делам – ступил на причал Саутхэмптона. И невольно замер. Он, конечно, представлял себе по описаниям и фототипиям корабль, на котором предстоит плыть. Но все равно еле сдержал восхищенный взглас. При взгляде на «Титаник» у него перехватывало дыхание. Это был чудо-гигант.

Высокие палубные надстройки «Титаника» возносились подобно утесам, а над ними вздымались темно-желтые трубы: на фоне низких облаков они напоминали колонны огромного храма. Высотой почти в десять этажей и размером в целый квартал судно буквально подавляло сознание. Рядом с ним маленькой лоханкой показался бы любой из виденных им судов – не только волжские пароходы и паромы, ходившие в Стокгольм из Гельсингфорса, но и броненосцы русского флота! Все прочие суда, стоявшие в гавани, казались рядом с ним игрушечными. Матросы, сновавшие по нижней палубе, выглядели такими маленьким по сравнению с колоссальным пароходом, что Ростовцеву пришло не очень-то почтенное сравнение – с блохами, скачущими по шкуре слона или скорее уж какого-то древнего левиафана. А тысячная толпа, заполнявшая пирс, выглядела рядом с «Титаником», как мыши, суетящиеся возле исполинского торга.

На пирсе собрались конные повозки, легковые авто и грузовики, которые медленно двигались сквозь плотную толпу, дудя в клаксоны. Люди со слезами прощания на глазах обнимались, махали руками, перекрикивая портовый гам, орали пожелания доброго пути друзьям и родственникам, что уже перебрались на палубы великана. Длинношейей, как журавль, подъемный кран не спеша опускал в широко распахнутый палубный люк размером с ворота замка связку мороженных мясных туш.

Ростовцев, чертыхаясь, лавировал между ручными тележками носильщиков, спешащими пассажирами и провожающими. Он пробирался среди суевающей публики, мимо выгружаемых с повозок и грузовиков деревянных ящиков и бочонков, громадных куч чемоданов и кофров с цветными наклейками отелей половины мира – Каир, Рим, Дели...

Что по-настоящему изумило Ростовцева, так это количество подъезжающих дорогих машин – их тут было как бы не больше, чем во всем Петербурге.

Длинные «роллс-ройсы», похожие на кузнечиков «роверы», черные, основательные, как сундуки на колесах, «даймлеры», даже, кажется, мелькнул «руссо-балт».

Рядом с ними важно стояли шоферы – как на подбор в темно-зеленых и коричневых ливреях или в кожаных тужурках и крагах.

Были тут и паромобили – медленно, но верно сдающие позиции своим бензиновым собратьям. Ростовцеву только по дороге попалось три «стенли». Пару раз он заметил даже электроходы: австрийский «лорнер» и изящную американскую «коламбию». Из нее выпорхнула такая же изящная молодая дама в длинном зеленом платье в сопровождении горничной и болонки.

Неподалеку чумазый маневровый паровозик выволоч на подъездные пути два роскошных пульмановских вагона – личный поезд какой-то важной персоны.

Их тут же облепили грузчики и посыльные и цепочкой, как муравьи, поволокли к лайнеру чемоданы, коробки... Юрий даже чуть задержался посмотреть, что за особа прибыла на собственном поезде, но из вагонов так никто и не появился, кроме пары ливрейных лакеев. Должно быть, граф или миллионер (или кто там еще) избрал другой маршрут, а это – всего лишь его багаж.

Обтекая машины, повозки и грузы, людской поток стремился на борт корабля, сталкиваясь с матросами, кочегарами, носильщиками и служащими компании «Уайт Стар Лайн».

– Ой, папа! Какой прекрасный корабль! Только подумать: на нем есть бассейн! А еще теннисные корты, театр, кафе, бары, оранжереи, даже магазины! А с палубы на палубу можно попасть на скоростном бесшумном лифте. О, это просто чудо! Как я рада, что мы поплывем на нем! – восторженно говорила девушка, вышедшая из наемного экипажа.

– Да я радовался бы еще больше, Дженни, если б не пришлось выложить за каюту восемь сотен фунтов, – озабоченно произнес отец семейства, по виду разбогатевший нувориш из низов.

– Не понимаю, из-за чего весь этот шум? – цедил в сторонке один джентльмен другому. – Он выглядит ничуть не лучше «Мавритании»! Да-да! Нужно было брать билеты на «Мавританию». И черта ж мне в этих турецкий банях, о которых корабельный агент прожужжал мне все уши?!

Но в основном толпа была настроена восторженно.

Слышались возгласы восхищения.

– Настоящий плавучий город!

– Погружено двести двадцать пять фунтов белужьей икры, тысяча центалов картофеля, тысяча сто центалов мяса, почти три тысячи дюжин свежих яиц...

– Корабль-великан, что и говорить!

Молодой моряк в обтрепанной куртке подошел к разносчику и небрежно выгреб из кармана горсть пенни.

– Эй, братец, налей пивка мне и моим друзьям! У меня в кармане еще звякает несколько медяков. Сегодня отчаливаем, так что когда, если не сегодня!

– Завидую тебе, будешь плавать на этом роскошном дворце! – бросил кто-то из товарищей лихого гуляки, не иначе напрашиваясь на даровое угощение.

– А главное – не потонет посудина! – хлопнул в ладоши моряк.

– А точно не потонет?

– Дождись! Непотопляемых судов не бывает!

– Не сомневайся, брат! – осклабился парень. – С нами плывет сам Джек Астор – миллионер каких поискать! Ты слышал, чтобы хоть один миллионер утонул?!

– Так-то оно так, – произнес подошедший немолодой моряк с обветренным, обожженным солнцем семи морей лицом. – Только я тут кое-что про этот кораблик слышал – это ж будет какой-то плавучий чемодан, набитый роскошью. По мне такое вообще не должно выходить в море.

Юрий прошел мимо толпы пассажиров третьего класса в грубошерстных потертых пальто, широких кепках и ветхих шляпах, выстроившихся в очередь внутри ограждения. Тут были все больше семьи ирландских эмигрантов. Было много маленьких детей – иные совсем крошки в пеленках.

Санитарный врач небрежно проверял их одного за другим, заглядывал в рот, выворачивал голову, изучая глаза на предмет трахомы.

«Как овцы в загоне на базаре!» – мимоходом пожалел бедолаг Юрий.

Тем не менее народ, похоже, был совсем не удручен.

Компания молодежи обоего пола выводила в разноголосицу под старую волынку:

Что за ночка – темна, как бочка.
Звезды спят, не видать ни зги,
А я шагаю к моей зазнобе,
И не споткнусь, не собьюсь с ноги.
Я бродяга, подруга-фляга,
Дом – дорога, постель – бурьян,
Я трезвый редко, но знаешь, детка,
Тебе я верен, хотя и пьян...

У самой загородки высокий рыжий парень беседовал о чем-то со старушкой, рядом с которой торчала девушка лет шестнадцати с ребенком на руках – жена парня, а может сестра?

– И что теперь будет с нашим меринком? – вздыхал молодой человек.

– Не бойся, сынок, я его продам. Надо ж нам на что-то жить с Пэгги и мышоночком, пока ты обустроишься в этой Америке. Вот прямо как вернусь в Килкенни, так и сведу на Бойлскую ярмарку.

– Только осторожнее, там полно мошенников, – предупредил ирландец.

– Ой, и верно! Да и ты будь осторожнее, – произнесла старушка. – А то уж слишком корабль большой, может на что-нибудь налететь.

Один из ирландцев у самого трапа смачно сплюнул жеваным табаком на пирс.

– Ну, прощай, Англия, проклятый остров! Надеюсь, больше тебя не увижу!

И что-то добавил по гэльски, надо думать совсем уж нехорошее.

Носильщик компании «Уайт Стар Лайн» появился перед Юрием как из-под земли.

– Сэр, вам следует зарегистрировать ваш багаж на главном терминале, это совсем рядом. Иначе его могут не успеть погрузить...

– Весь мой багаж, мистер! – Юрий взмахнул чемоданом. – Но я буду благодарен, если вы поможете мне...

Монета в один шиллинг перековывала в широкую ладонь носильщика.

– Да, сэр! Разумеется! Мое почтение, сэр! – тут же закивал тот.

Следуя за носильщиком, Юрий направился к высокой бетонной эстакаде для «чистой» публики, что поднималась над причальной суетой на высоте пятого этажа, и даже слегка запыхавшись («Стареем!»), перешел по широкому мостику прямо на верхнюю палубу. Немолодой

моряк в безукоризненной форме проверил его билет и паспорт, сверился с каким-то списком и протянул ключ от каюты. Самый обычный ключ – похожим в его маленькой конторе запирались чулан. На латунной бирке значилось «А-204» – в полном соответствии с тем, что было указано в его билете.

Через пару минут Юрий уже переступил ее порог. При свете ламп в стенных бра ему открылось довольно просторное светлое помещение с дверью в уборную и вторую комнату – то ли кабинет, то ли помещение для прислуги. Высокая вычурная кровать, белые с золоченым узором панели, белый в золоченую клетку потолок, стулья с овальной спинкой и гнутыми ножками вокруг небольшого стола, кресло, комод красного дерева, картина с размытым лесным пейзажем. Имелся даже небольшой камин. Почти как номер в лучшем отеле – и все за сотню фунтов. Правда, это самая дешевая каюта первого класса; другие, в которых имеются шелковые гобелены, прогулочные веранды, спальни и гостиные, телефоны и маленькие лифты, через которые доставляют с камбуза заказанные блюда, те тянут и на тысячу, а то и больше.

Он раздвинул тафтяные портьеры на квадратном иллюминаторе, даже скорее окне, разместил чемодан в особом шкафу с креплениями, поставил на полочку в уборной дорожный несессер, купленный в Париже специально для этой поездки, и вышел в коридор. И тут же нос к носу столкнулся с мужчиной лет сорока с хвостиком, с нафабранными усами и крошечной эспаньолкой, в костюме безупречного покроя, лаковых туфлях и с гвоздичкой в бутоньерке.

Он протянул руку Юрию и коротко представился:

– Робер Монпелье!

– Француз?

– Да. А вы, судя по всему, русский, мсье сосед?

– Да, – несколько растерялся стряпчий, – имею, так сказать, счастье быть подданным русского царя... Юрий Ростовцев к вашим услугам!

– Вот видите, я угадал! – рассмеялся сосед, переходя на родной язык Юрия. – Ваш акцент ни с каким не спутаешь. Как-никак я прожил в Санкт-Петербурге три с лишним года, хотя по рождению и привычкам – парижанин.

В этот момент из-за двери шагах в двадцати высунулась крепко сбитая и одновременно гибкая девица неопределенного возраста – то ли двадцати, то ли тридцати лет. Лицо под вуалью, не скрывавшей, впрочем, яркой косметики, синее с серебром платье – слишком короткое, из-под которого выглядывали черные рейтузы и высокие ботинки.

Протянув Ростовцеву руку как бы для поцелуя, она томно изрекла на плохом русском:

– *Прейзираю!*

– Не обижайтесь на мою ассистентку, мсье Юрий, – печально улыбнулся Монпелье, разводя руками. – Стелла по-русски знает только это слово да еще пару услышанных у кухарки выражений, которые не следует повторять в приличном обществе.

Между тем означенная Стелла, чуть поклонившись, скрылась за дверью.

– Что поделать, – продолжил Монпелье. – Она незаменимый помощник, но, увы, ее рассудок и поведение имеют некоторое... э-э-э... своеобразие. Я вынужден с этим мириться, тем более она дочь моей рано погибшей кузины...

Ростовцев вздохнул про себя: какие только знакомства не пошлет дорога?

Распрощавшись с вежливым французом, Юрий решил выйти на палубу – подышать напоследок воздухом земли, так сказать.

Посадка уже завершилась. А потом слабое подрагивание корпуса, передавшееся через каучуковые подошвы штиблет, сообщило, что в трюме заработали машины. На причале отдали швартовы, крепившие нос и корму к мощным береговым тумбам, и матросы быстро выбрали их, втянув на палубу с помощью лебедок, в то время как другие матросы, наоборот, разматы-

вали буксирные концы, перекинутые на два подошедших с моря суденышка, «Гектор» и «Вулкан», как разобрал Юрий надписи на бортах.

И вот «Титаник» сначала еле заметно, а потом все быстрее начал удаляться от причала.

– Малый вперед! – донеслось с мостика, зазвонил судовой телеграф, а за кормой взбурлила вода – все три огромных винта провернулись на валах.

Волна, порождаемая движущимся вперед исполинским телом корабля, вспенила воды залива.

Из головы почему-то все не шел странный сосед и его спутница. Надо же, «презираю»! Кстати, а что значит ассистентка? Он врач? Или ученый? Ну, не фокусник же! С чего бы фокуснику ехать, точнее, плыть первым классом? Или, Юрий мысленно усмехнулся, может быть, дело обстоит несколько попроще, и господин из Парижа просто возит с собой любовницу под видом родственницы и помощницы? А даже если и в самом деле родственница, то в наше безумное и переменчивое время дальше, так сказать, родство ничуть на теплоту семейных отношений не влияет.

Ну, да и бог с ними!

– Смотрите, смотрите!! – громко заорали почти у Юрия над ухом.

Очнувшись от пикантных мыслей, Ростовцев завертел головой и тут же замер, ощутив нехороший холодок под сердцем.

Пришвартованный у причальной стенки корабль, мимо которого они проходили, вдруг словно сам собой рыскнул в их сторону... Сухо треснули один за другим удары огромного бича, в воздух над причалом взвились со свистом пять или шесть гибких щупалец и хлестнули по разбегающейся толпе – это лопнули швартовые концы, каждый в шесть дюймов толщиной – по адмиралтейскому стандарту.

Освободившийся пароход, будто притянутый неведомой силой или толкаемый снизу огромным подводным чудовищем, неудержимо двинулся к «Титанику»...

Особенно жутким в тот миг Ростовцеву показалось то, что корабль противоестественно двигался кормой вперед, при этом безошибочно целя в котельное отделение. Юрий разглядел двух или трех бестолково мечущихся у фальшборта матросов и ровные золоченые буквы под урезом кормы – «Нью-Йорк».

Понять, что сейчас произойдет, было несложно – навалившись на корпус лайнера, «американец» проломит борт ко всем чертям и морская вода хлынет прямо к котлам, а те не замедлят взорваться...

Ревущий пар, вопли сваривающихся заживо пассажиров и команды, тяжело опускающийся в воды залива исполин...

– Стоп машина! – донесся отчаянный крик с мостика над головой Юрия.

«Не поможет!» – холодно прокомментировал внутренний голос.

Но люди на палубе «Нью-Йорка», подгоняемые выскочившими наверх офицерами, помчались на корму, готовую вот-вот ударить в корпус «Титаника», и начали сбрасывать за борт кранцы. Тут же «Гектор», который считанные минуты назад тащил «Титаник» от причала, зашел «Нью-Йорку» со стороны бака, и на палубу сорвавшегося со швартовых корабля полетел буксирный канат. Заклокотала вода, взбиваемая винтами «Гектора», тот во все свои лошадиные силы пытался оттянуть судно назад к берегу.

Какой-то миг Юрию казалось, что усилия буксира тщетны – непонятная сила все ближе подводила плавучий таран к их кораблю. Вот он совсем рядом...

«Нет, надо было брать билет на Гамбургские линии, говорили же умные люди!» – подумалось Ростовцеву.

Мелькнула и пропала мысль прыгнуть за борт. Тут высота в десяток саженей, не особо и попрыгаешь.

Истерично завизжали женщины в третьем классе...

Но в самый последний момент, когда Ростовцев уже вцепился в шлюпбалку в ожидании сбивающего с ног удара, лайнер проскользнул мимо кормы «Нью-Йорка», от которой его, казалось, отделяли считанные дюймы.

Неуправляемый «Нью-Йорк» развернуло бортом к волне, а потом инерция поволокла его обратно к пристани, где как назло под парами стоял еще один транспорт.

Вновь лихорадочно забегали матросы, вывешивая кранцы, вновь отчаянно запыхтел буксир. «Нью-Йорк» малым ходом уперся в борт товарища по несчастью, но, к счастью, похоже, ничего не повредил.

А «Титаник», вновь набирая ход, двинулся в открытое море, оставляя за кормой суету на месте своей возможной гибели. Юрий глубоко вздохнул, не без усилий разжав пальцы, впившиеся в сталь шлюпбалки. Команда и пассажиры вокруг него оживленно обсуждали едва не случившуюся катастрофу.

– Кто бы что ни говорил, – бормотал человек в пасторском облачении, – но не лучшая была идея давать кораблям имена языческих богов. Смейтесь, смейтесь! – отреагировал он на ухмылку соседа. – Но вот я в прошлом году осенью плыл на «Олимпике», так сказать, брате-близнеце нашего «Титаника», и как раз тоже в самом начале плавания у острова Уайт мы столкнулись с крейсером «Хок»! Помню белым днем и не самым полным ходом шли и, тем не менее, срубили бедолаге «Хоку» нос! А сами получили пробоину в пять сотен квадратных футов!

– Вы еще скажите, святой отец, что это Господь разгневался тогда на «Олимпик», а сейчас – на «Титаник», и невидимой дланью порвал швартовы «Нью-Йорка»! – пробурчал проходивший мимо моряк с нашивками старшего офицера. – Лучший корабль, на котором я плавал два года без единой аварии, вообще назывался «Каин»! Не следует, святой отец, впутывать небеса во все морские неприятности! Всего лишь законы гидродинамики, наши лайнеры просто увлекают за собой корабль меньшего размера, если те окажутся слишком близко! Ну и, конечно, неумехи за штурвалом и бардак на палубе! – желчно резюмировал он. – Да что говорить, вот на нашем «Титанике», как я только что выяснил, у впередсмотрящих нет биноклей, не выдали! Я так скажу: делай свое дело хорошо и Бог тебе поможет, не будь я Чарльз Лайтоллер!

Молоденькая дама с преувеличенно испуганным лицом прислушивалась к разговору.

Ростовцев, однако, обратил внимание не на нее, в которой, кстати, узнал хозяйку электромобиля, а на стоящего позади девушки человека в длинном плаще.

Почему-то его грубоватое лицо со сведенными нахмуренными бровями и белокурым волосами надо лбом привлекло его взор... Он, кажется, где-то его видел? Или похожего человека? Да нет, но вот этот взгляд и эта манера смотреть ему определенно знакомы...

– Это плохое предзнаменование, миссис... – зачем-то обратился незнакомец к ней.

А потом вдруг спросил:

– Вы любите жизнь?

– Что за вопрос? – ответила англичанка. – Хотя, – она игриво рассмеялась, – мой супруг сомневается в этом и твердит, что я когда-нибудь разобьюсь на своей машине!

– Как бы то ни было, будь вы моей женой, я бы посоветовал сойти с этого корабля в первом же порту – мы еще зайдем в Шербур.

Потом добавил:

– Если мы туда, конечно, доплывем!

– А вы? – с некоторым раздражением ответила та. – Вы-то сами собираетесь сойти?

– Я бы это сделал, если бы мог! – Странный тип повернулся и широким строевым шагом пошел прочь.

Суматоха улеглась, и пассажиры спустились внутрь корабля, а Ростовцев все стоял и с верхней палубы с каким-то непонятным щемящим чувством смотрел на уходящую за горизонт землю. Корабль плыл, а он все стоял и смотрел.

По правому борту тянулось скалистое побережье острова Уайт, а по левому открылся вход в гавань Портсмута, на выходе которой маячило три миноносца и канонерка.

Потом огромное судно двинулось вдоль восточного побережья острова на юг, в сторону Франции.

Постепенно пелена мелкого дождя закрыла берег...

* * *

У палубного служителя Юрий купил газету, отдав немало – три шиллинга, и наскоро ее пролистал. Газета издавалась на самом «Титанике», пошла такая мода на трансатлантических лайнерах, и именовалась «The Atlantic Daily Bulletin». В ней печатались свежие новости, поступавшие, как сообщала надпись, с берега посредством маркониограмм, а также разные заметки, посвященные корабельным делам. Как узнал из газеты Ростовцев, с ним на борту оказалась целая толпа весьма богатых и известных людей.

Тут были и финансист Бенджамин Гугенхейм, прославившийся своей благотворительностью; владелец всемирно известной сети магазинов «Майсиз» Исидор Штраус (даже в Питере собирались вроде открыть такой), железнодорожный воротила Джон Тайер с семьей, стальной король Роублинг, банковский магнат Додж и еще толпа сильных мира сего...

«Да, – деловито подумал Юрий. – При случае надо будет кому-то из них втереть визитную карточку, авось пригодится...»

И улыбнулся своим мыслям.

Однако ж надо бы прогуляться и осмотреть этот плавучий остров, на который его занесла судьба.

По широкой лестнице он спустился на главную пассажирскую палубу. В верхней части лестницы в стену, отделанную ореховым деревом, были встроены огромные часы с обрамляющими циферблат бронзовыми фигурами двух полунагих женщин. Резная надпись гласила: «Honour and Glory crowning Time» – «Коронации честь и слава». Над всей лестницей возвышался внушительный стеклянный купол, поддерживаемый ажурными металлическими переплетами.

Воспользовался отличными бесшумно сновавшими между палубами лифтами (фирмы «Рэйлтон, Кэмпбелл энд Кроуфорд» (как гласил все тот же корабельный листок). Навестил читальный зал, курительный салон и зимний сад. Заглянул в кормовой ресторан в стиле Луи XVI с ореховыми панелями по стенам и шелковыми портьерами на огромных окнах. Почему-то стало слегка тревожно – пожар на таком корабле в случае чего потушить будет трудновато.

Соседнее «Кафе паризьен» с его выющимися растениями в горшках, плетеными стульями и небольшими столиками и французскими официантами понравилось ему больше.

Помимо этого имелись еще венское кафе, бар в американском стиле «гриль-рум» и на палубе второго класса обширная «биргхалле» – попросту пивнушка. В ней он пропустил кружечку «лондонского» для успокоения нервов.

Еще наличествовали теннисный корт и плавательный бассейн, европейские и турецкие бани; циклодром для велосипедистов и одновременно для любителей бега на роликовых коньках, новомодного увлечения господ-«спортсменов», площадка для игры в гольф, спортивный зал с набором атлетических тренажеров – любому олимпийцу на зависть...

Из других заведений для приятного досуга имелись справочное бюро, которое могло соединяться с «Большой землей» посредством беспроводного телеграфа, почтовое отделение, три библиотеки, парикмахерские, курительные салоны и даже, что показалось Юрию особенно трогательным, детская площадка с песочницей.

Создатели корабля предусмотрели все, даже особые салоны для лакеев миллионеров и камеристок их жен. Все сверкало изысканной роскошью и отличалось тонким вкусом.

Пожалуй, все это и в самом деле больше походило, как отметил неизвестный моряк, на чемодан, набитый роскошью, чем на океанское судно. Этаким себе плавучий дворец...

Все это оставило у Ростовцева некий осадок.

– Для полного счастья не хватает еще и казино, как в Баден-Бадене, да еще плавучего борделя, – пробурчал он и сам себе удивился.

Пробродив по этому современному Ноевому ковчегу часа два, Юрий вернулся в каюту «А-204», где позволил себе вздремнуть...

Глава 2

В шесть часов вечера в коридорах и переходах «Титаника» раздался звон горна, предупреждающий пассажиров о скором ужине.

Спросонья Юрий не понял, где находится, и на миг ему показалось, что он опять, как в дни своей молодости, лежит на нарах знаменитой Томской пересыльной тюрьмы – там сигнал к подъему тоже подавали горнисты (комендант ее, подполковник Чубеев, был малость с придурью).

Выйдя в коридор и выяснив причину шума у коридорного стюарда, рыжего ирландца в синей форме с ярко начищенными золотыми пуговицами, он прошел мимо важно дующего в медный горн мальчика в такой же синей форме и фуражке и вскоре уже спускался по уже знакомой монументальной мраморной лестнице.

Сверкающий северским фарфором и серебром, украшенный цветами и ярко освещенный зал поражал воображение. На лакированном полу лежали толстые мягкие обюссинские ковры, в которых ноги утопали почти по щиколотку, вдоль стен стояли столы красного дерева. Столовая была отделана светлым дубом, с изящным резным орнаментом, белейшие скатерти, сияющие начищенной бронзой и сверкающие граненым хрусталем люстры на потолке.

Таков был корабельный ресторан «А ля Картэ».

Удобно устроившись в изящных креслах из красного дерева, обтянутых дорогой тканью, гости готовились к приему пищи, пока вокруг них суетились услужливые официанты.

Наметанным глазом Ростовцев определил, что основную часть пассажиров первого класса составили богатые американцы, закончившие свой зимний сезон в Монте-Карло, Ницце, Каннах и других курортах Ривьеры, мода на которые среди международных снобов в последние годы почему-то росла. Другие возвращались из знаменитых столиц «старой доброй Европы» – Рима, Вены, Берлина, Петербурга, Парижа.

Почти три сотни пассажиров первого класса, напоминали гостей какого-то важного приема при королевском дворе. Женщины в шляпках с широкими полями, чуть поменьше тележного колеса, украшенными пышными перьями, в вычурных платьях из муслина или атласа, отороченных дорогими мехами. Некоторые декольте были чрезмерными, но излишнюю откровенность нарядов сглаживали длинные атласные или муслиновые шарфы, отделанные льежскими и венецианскими кружевами. Мужчины во фраках, жилетах и галстуках, в черных длинных сюртуках и серых шелковых цилиндрах, при галстуках, заколотых бриллиантовыми булавками. Важно шествовали почтенные старцы в пошитых лучшими портными костюмах. В общем, высший свет.

Ростовцев даже слегка засмутился. В своем черном рединготе и полосатых фланелевых брюках он выглядел как-то бедновато, еще чего доброго за лакея примут или за дворецкого! Того и гляди подвалит какой-нибудь лорд или сенатор и осведомится эдак через губу: «Любезнейший... э-э-э... а как мне побеседовать с вашим хозяином?»

Усевшись за стол, уставленный серебряной посудой и хрусталем с золотой гравировкой, он ознакомился с меню.

Если верить ему, то на ужин им предстояло вкушать устриц, отварного лосося с муссом и огурцами, говяжье филе, зеленый горошек, жареного ягненка с мятной подливой и кресс-салат. Дополнительно можно было заказать спаржу и лобстеров в сливочном соусе.

Лобстера и икру Юрий проигнорировал, а вот лосося и ягнятине отдал должное.

После ужина многие гости направились в салон, чтобы выпить там кофе, к которому прилагались шоколадные эклеры и французское мороженое. Ростовцев присоединился к ним.

Салон на этом корабле имел даже собственное название: «Палм-Кор».

Тут давал концерт судовой оркестр, шла беседа между старыми и новыми знакомыми за коньяком и кофе, и вообще царила приятная атмосфера великосветского раута.

Пока одни пили кофе и беседовали, другие уже уселись за зеленое сукно и принялись раздавать карты. Юрий играть не любил, помня отцовскую науку. Податной инспектор Виктор Викторович Ростовцев любил повторять, что знает лишь один-единственный надежный способ встать из-за ломберного стола с тысячей рублей – сесть за него с двумя тысячами.

Тем не менее уходить не хотелось – было бы, в конце концов, глупо промаяться остаток вечера в каюте, уставившись в потолок или болтаясь на продуваемой весьма посвежевшим ветром палубе...

Внезапно он весь обратился в слух – до него сквозь оживленный гомон донеслась русская речь – два или три человека о чем-то оживленно беседовали, мешая русские слова с английскими.

Оглядевшись, он увидел неподалеку и говоривших. За резным столиком сидела и пила кофе (впрочем, не только кофе) довольно странная компания. Первый – высокий и худой, гладко выбритый мужчина в клетчатом спенсеровском пиджаке с типично немецким лошадиным лицом и редкими волосами. На переносице господина было водружено пенсне в золотой оправе, придававшее облику господина оттенок некоей надменности.

Второй – молодящийся полноватый мужчина лет за сорок с характерным семитским носом, аккуратно расчесанными бакенбардами и с сигарой в зубах. На мизинце его сверкал перстень с крупным бриллиантом, несомненно, настоящим. Одет представитель Израилевых колен был безукоризненно – смокинг, серый атласный жилет и белоснежный, накрахмаленный воротничок.

Третий... Третьей была дама, вернее, молодая девушка лет не больше двадцати трех.

На ней был светло-синий дорожный костюм с коротким жакетом, узкая юбка выгодно подчеркивала длинные ноги. Ее волосы, выбивающиеся из-под шляпки, отливали бледным серебром. Большие глаза, точеный изящный подбородок, яркие губы...

В руках у девушки была небольшая записная книжка на шнурке, свисавшем из кармана чуть ниже лифа, и золотой карандашик. Кто интересно из них русский?

– Вы позволите присесть? – подойдя к троице, осведомился он на английском, и зачем-то протянул иудею визитную карточку.

– Разумеется! – по-русски ответил незнакомец, мельком пробежав ее глазами. – О, приятно встретить земляка на этом, так сказать, плавушем Вавилоне!

Он перехватил руку Юрия вялой ладонью и мелко ее потряс.

– Вы, стало быть, господин Юрий Ростовцев?! Представьте, наслышан! Дело братьев Поджигайловых... Здорово вы тогда управились с ними! Позвольте представиться – Бонивур Соломон Саулович! Коммерсант! Магазин готового платья в Гродно и антикварная лавка в Петербурге на паях с Ароном Гроссманом!..

«Вот даже как?» – Юрий тут же пожалел о решении присоединиться к незнакомцам.

Но тут в разговор без лишних церемоний вступила девушка.

– А я Элизабет Грей! – с очаровательным американским акцентом сообщила она. – Для друзей Лиз. Мистер Йурий, что вы думаете о порядках на нашем «Титанике»? Мы как раз обсуждали их перед вашим появлением. Я рассказала мистери Питеру и мистери Отто, что на «Лузитании» можно было выпить в любое время суток... – сообщила она. – А на нашем корабле свет в салоне погасят в одиннадцать часов и закроют в полночь.

Девушка нахмурилась.

– Этот распорядок выдумал какой-то старый зануда. Полночь – это слишком рано! Но умные люди готовы ко всему. – И хитро улыбнувшись, Элизабет вытащила из кармана на юбке плоскую серебряную фляжку. – Позвольте вас угостить в честь знакомства!

Проглотив горьковатое янтарное бренди из крошечного металлического стаканчика-крышки, Юрий мысленно покачал головой. В прежние времена курительные салоны на кораблях были не для дам, которые после трапезы чинно удалялись в каюты или свои дамские салоны пошебетать о модах и посплетничать. А мужчины могли спокойно вспоминать острые анекдоты с «merde» и «ass» и вкушать спиртное покрепче столового вина.

Теперь, выходит, времена другие, хотя в России, скорее всего, и сейчас парходные служители вежливо попросили бы представительниц слабого пола покинуть неподходящую компанию.

Официант между тем поднес им еще кофе, не забыв и Юрия.

Кофе был приготовлен по-венски, украшенный взбитыми сливками и сопровождаемый стаканом воды со льдом. Такой кофе Юрий обожал, по его мнению, он вполне мог соперничать с настоящим кофе, какой заваривают турки и арабы. (Все прочие разновидности этого напитка рядом с ними – просто коричневая бурда.)

– Да! – воскликнула американка. – Я только что выслушала очень захватывающий рассказ мистера Отто. Как он плыл на маленькой шхуне по Ледовитому океану в Архангельск из... – она чуть запнулась, – D'judinki. Они попали в туман, сбились с курса и их выбросило на берег на острове Новая Земля. Они приготовились зимовать на этом диком берегу, где их ждала смерть от голода и холода, но мистер Отто с тремя товарищами вышел на шлюпке в море и добрался до рыбацкого селения, и все были спасены!

– Ох, тысячу извинений, – видимо, она заметила недоумение на лице Ростовцева. – Я журналистка, потому иногда и кажусь бесцеремонной. Пишу для «Нью-Йорк Геральд», ну и для прочих журналов, но мечтаю создать свой!

Юрий про себя сделал зарубку на память. Журналистка, что ж тут удивительного, пишущие в газеты дамы теперь есть везде и даже в России.

– А еще мечтаю, – продолжила между тем американка, – в одиночку совершить кругосветное путешествие в семьдесят девять дней, посрамив мистера Жюль Верна! Но сперва, наверное, надо посетить вашу страну, вот мистер Нольде говорит, что мне нужно обязательно увидеть Сибирь!

«Нольде? Черт побери!! – Ростовцев только что не открыл рот от изумления. – Вот так встреча!»

Старший лейтенант Российского флота в отставке, кавалер ордена Святой Анны второй степени и ордена Святого Георгия четвертой степени, открыватель трех островов в северных морях и герой Цусимы барон Отто Оттович фон Нольде, покровительственно взирал на него из-под пенсне.

Этого человека Юрий видел только два раза и то мельком на заседании Географического общества шесть лет назад. Тот тогда, впрочем, был в мундире при орденах и с бородой...

– Простите, Отто Оттович. – Ростовцеву потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. – Я вас сразу не узнал...

– Да, господин Ростовцев, я вот вас тоже не сразу припомнил, – милостиво кивнул барон. – Мы виделись на докладе у Вилькицкого, нас даже представил господин Обручев... Ваша статья о географии Анабарского плато вызвала тогда немалый интерес!

– Так вы коллеги? О, я, оказывается, очутилась в компании знаменитых русских путешественников! – в восторге хлопнула в ладоши Элизабет.

– Ну... что касается меня, то я давно оставил стезю странника, – пробормотал по-прежнему растерянный Ростовцев. – Теперь у меня другие... дела: наследство, адюльтеры, потерянные завещания и сбежавшие приказчики.

– Я, кажется, догадалась, – хитро прищурилась Лиз. – Вы частный сыщик, мистер Джордж!

– Вы угадали, госпожа Грей! – улыбнулся Бонивур. – Причем сыщик, имеющий *некоторую* репутацию среди понимающих людей!

– Не вводите даму в заблуждение, сударь, – растянул губы в улыбке Ростовцев. – В России не существует частного сыска...

– Да? – искренне удивилась соотечественница Ната Пинкертона. – А почему?

– Такова воля нашей верховной власти, – коротко ответил Юрий. – Так что я всего лишь стряпчий, скромный стряпчий по уголовным и гражданским делам, даже не аккредитованный при нашей городской судебной палате...

– Однако... – покачала головой Элизабет.

– Мистер Юрий немного преувеличивает, – встрял антиквар. – И верно, частного сыска в России не имеется, запрещен-с. Но вот частные сыщики имеются.

– Ну да! – кивнула Лиз. – Я помню, писали... А еще был этот... Ну такая странная фамилия... Пандорин? Фандурин?

– Неужели этот тип успел наследить и в Америке? – презрительно осклабился фон Нольде. – Помню, мой знакомый сочинил в свое время эпиграмму.

И с чувством продекламировал по-французски:

Россию покорили педерасты,
И прочие... Фандорины Эрасты!

Элизабет совсем не смутилась, а звонко рассмеялась, а Ростовцев мельком посетовал на дамскую эмансипацию. Конечно, прогресс прогрессом, но все же есть границы!

Нет, определенно был резон в том, что в прежние времена дам не пускали на подобные мужские сборища.

– Кстати, тот человек, о котором вы говорите, собственно и не сыщик, а всего лишь удачливый авантюрист, – продолжил Отто Оттович. – Я не знаю подробностей, но факт есть факт, все свои дела он провалил, – и Нольде как-то еле заметно подмигнул Ростовцеву. – Вот Юрий Викторович подтвердит...

– Я не интересуюсь великосветскими сплетнями, – покачал Ростовцев головой, не удержавшись, чтобы не подпустить шпильку. – Мое дело маленькое – поиски сбежавших невест и фальшивые векселя!

– Но в таком случае, что вы делаете на «Титанике», мистер Йурий? – осведомилась Элизабет.

– Я направляюсь в Нью-Йорк, как и вы, надо полагать.

– И зачем, если не секрет? Неужто какой-то русский приказчик ухитрился, прихватив кассу, скрыться в нашу страну?

«И чего пристала, егоза лакированная?» – сварливо пробурчал внутренний голос.

Но Ростовцев подавил минутное раздражение. Да и с чего сердиться-то в самом деле?

– Ну что ж... Хотя в мои обязанности не входит открывать секреты моих клиентов, но сейчас нет причины держать все в тайне. Вы правы, дело связано с бегством, вот только не приказчика...

...В одна тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, – начал Юрий, поймав себя на том, что невольно подражает актерам-чтецам из летних театриков, – один петербургский гимназист, то ли начитавшись книжек про индейцев и пиратов, то ли еще по какой причине, сбежал из дома и палубным пассажиром добрался до Америки.

Где и как его носило первые пять лет, никто не знает. Но году, примерно, в восемьсот девяностом он прибыл в Нью-Йорк и занялся торговлей патентованными средствами и прочей аптечной ерундой – как-никак его отец был военным врачом, хоть и в отставке. Он сколотил

себе состояние на разных шарлатанских снадобьях... – «которые так любят соотечественники мисс Грей», – мысленно добавил Юрий. – Потом спекулировал пшеницей на бирже. А деньги тратил не на карты, женщин и лошадей, как частенько бывает с богачами, а опять же вкладывал с умом. Скупал земельные участки на окраинах Нью-Йорка, а когда город приходил в те места, с выгодой перепродавал. Ну, там по мелочи: пастбища, строевой лес, рудники – все, что способно приносить звонкую монету.

Он так и не женился, возможно, было недосуг за всеми этими делами. К сожалению, даже богачей не щадит чахотка, и, умирая, блудный сын вспомнил об оставшейся в России родине. Так семейство небогатых охтинских разночинцев стало наследниками очень приличного состояния, примерно двести тысяч долларов. Правда, по большей части это вложено в разное добро – в акции, облигации, недвижимость и товары... И так вышло, что эта семья – мои хорошие знакомые. Кроме того, немногие из российских адвокатов знают английский, а я изучил его недурно.

Моя задача, – завершил рассказ Ростовцев, – превратить наследство в наличные деньги и перевести в Россию. Комиссионные обещаны приличные, так что я могу позволить себе быть мотом и прокатиться первым классом.

– Как прозаично! – вздохнула журналистка, не иначе ожидавшая романтической истории с любовью и кровью.

Она извлекла из перламутрового портсигара длинную пахитоску и прикурила от золоченой австрийской зажигалки в виде маленькой бутылочки.

– Вас не шокируют мои привычки, мистер Йурий? – запоздало осведомилась американка.

– Нет, что вы! Желание дамы – закон! – не удержался Юрий от комплимента.

Тем более его и в самом деле это не шокировало, он повидал на своем веку курящих женщин – от доморощенных курсисток до роскошных кокоток полусвета и от «марух» из сомнительных кабаков до сибирских туземок. Эка невидаль, право слово!

– А вот взгляните-ка туда, – вымолвила Лиз, выпуская дым.

В углу салона сидел джентльмен с усталым лицом.

– Это не кто иной, как Томас Эндрюс!

– Признаюсь, это имя мне ничего не говорит...

– Это главный строитель нашего корабля. Выходит в первое плавание на своем детище!

– Смело... – похвалил Нольде.

– У нас в России тоже есть похожий обычай, – припомнил к слову Ростовцев. – После того как заканчивают строить новый мост, спроектировавший его инженер с обнаженной головой становится прямо под ним, в момент, когда по нему проходит первый поезд. При этом перед ним ставят столик, на котором стоит полный венгерский стакан водки.

– О, йес wodka! – кивнула журналистка, наверное, уже наслышанная о данном русском национальном напитке. – А зачем, это такой древний русский обряд?

– Нет, просто после того, как поезд пройдет, он выпивает эту водку, чтобы успокоить нервы. Потому как если мост сделан плохо или в чертежи вкралась ошибка, то он рухнет прямо на голову строителя! – пояснил стряпчий.

Элизабет тут же вытащила книжечку и чиркнула там несколько слов, не иначе для будущего репортажа.

А Ростовцев задержал взгляд на странной броши под левой ключицей синего в искорку дорожного платья девушки.

Пластинка из бледного золота изображала не то кошку, не то тигра, сидящего на троне, вытянув передние лапы. Два грубо шлифованных ярко-зеленых глаза-изумруда придавали свирепой морде какое-то комичное выражение. Работа была явно старинной и незнакомой – не европейская, но и не восточная.

– Заметили? – спросила девушка. – Вот и мистер Бонивур тоже обратил внимание. Мой талисман! Это ягуар, древний символ индейцев майя до того, как их покорил Кортес. Его мне подарил в Мексике один революционер – настоящий джентльмен, поэт и генерал тамошней армии... – Девушка загадочно улыбнулась. – Между прочим, потомок последнего индейского короля этой страны! Он погиб почти на моих глазах, бедный благородный рыцарь...

– Ягуар, значит, – зачем-то повторил Ростовцев.

– Это такой зверь наподобие нашего горного льва или африканской пантеры.

– Да я знаю про них, – кивнул Ростовцев. – Хоть и прошло много времени, а гимназический курс географии не выветрился из головы.

И для чего-то добавил:

– У нас в России есть похожие, на Кавказе, да и в северных лесах тоже, рысь называется.

– О, r'yiss! – Элизабет опять что-то записала в книжечку.

Сказать по правде, рыси и пантеры с прочими кошачьими, хоть даже и золотые, Юрия сейчас не особо волновали. Куда больше его занимал другой вопрос: а что, собственно, тут делает его старый знакомый и в прошлом коллега по полярным странствиям барон фон Нольде, в данный момент опорожнивший уже третью или четвертую рюмку вермута?

Отставному офицеру не на что вроде шиковать в первом классе такого парохода! Если даже у него и есть какое-то имение на родине, то что с того? Знаем мы этих остзейских баронов – земли меньше, чем у иного полтавского куркуля, да и та камни да болота. Наследство, что ли, получил? Или выгодно женился?

– Видите? – прошептал Бонивур, отвлекая Ростовцева от финансов барона.

И показал кивком головы в сторону лестницы – там важно спускалась высокая дама лет сорока. Судя по элегантному парижскому туалету и обилию драгоценностей с яркими камнями, птица высокого полета. На груди ее покоился яркий сапфир, при виде которого любой индийский махараджа умер бы на месте.

– Это мадам Шарлотта Дрейк. Сорила миллионами по европейским столицам, а теперь возвращается к муженьку в Чикаго. Явилась на «Титаник» с дюжиной дорожных сундуков, полных платьев и палантинов, четырьмя чемоданами и тремя ящиками фарфора и антиков. Я, между прочим, в ее санкт-петербургский визит продал ей чудненькую демидовскую камю, – умильно облизнулся антиквар. – А вообще-то только дюжина самых богатых воротил, что плывут с нами, «стоит» сто девяносто один миллион долларов, то есть почти четыреста миллионов рублей золотом! Астрономические цифры! Воистину, чтоб я так жил!

– Оставьте, – махнула рукой мисс Грей. – Я сижу тут в компании двух путешественников и не желаю слышать о великосветских клушах и их набитых золотом мужьях!

– Тогда позвольте ненадолго откланяться, – церемонно произнес антиквар, поднимаясь.

– Мистер Нольде, а вы не расскажете, зачем плывете в Америку? – спустя минуту спросила Лиз. – Может, вы согласитесь дать интервью?

Барон отодвинул бутылку, с преувеличенной аккуратностью поставил рюмку на стол. Мимолетная дрожь руки выдала в нем человека, уже проигрывающего войну с зеленым змием.

– Вы слышали что-нибудь о Великом Северном Пути, мисс? – спросил он.

Журналистка, задумавшись, коснулась пальцем лба.

– Признаться, не очень... Хотя, кажется, припоминаю – экспедиция лейтенанта Джорджа Де-Лонга на «Жанетте», читала в каком-то старом журнале. Они вроде бы хотели найти короткий путь из Тихого океана в Европу?

– Вы, в общем, правы, – пожал барон плечами и налил себе еще вермута.

«А ведь ты, Отто Оттович, определенно спиваешься!» – не без сарказма отметил Ростовцев, услышав мелкую дробь бутылочного горлышка по краю рюмки.

– Если из Лондона до Шанхая через Индийский океан и Суэцкий канал путь составит двенадцать тысяч морских миль, то через арктические воды всего чуть менее чем шесть тысяч.

Разумеется, путь этот не так прост, но теперь благодаря прогрессу и появлению ледоколов он видится вполне преодолимым. И я намерен провести переговоры в Северо-Американских Штатах на тему создания большой международной компании по эксплуатации арктических морских путей и освоению богатств северных берегов Сибири.

– Это каких же таких «богатств»? – не сдержал усмешки Юрий. – Неужто думаете соблазнить американских промышленников песцами и мамонтовой костью?

– Странно слышать это от вас, господин Ростовцев! – Нольде с высокомерной иронией уставился на него. – Неужели вы никогда не думали, что те заснеженные просторы, которые вам так хорошо знакомы... *во всех смыслах*. – Усмешка тронула бескровные губы немца. – Так вот, вы никогда не задумывались, что в их ледяных недрах таятся настоящие сокровища, которые мать-природа запрятала в этих холодных и дальних краях? Вы не слышали, например, что на Таймыре уже разведана медь и есть следы месторождений такого редкого и ценного металла, как платина? И это абсолютно точно, я некоторым образом лично привозил в те края нашедших их геологов. А что вы скажете о золоте? Не далее как полтора десятка лет назад наш знаменитый русский геолог, профессор Санкт-Петербургского горного института Карл Иванович Богданович впервые нашел на берегу возле Чаунской губы явные признаки золотой россыпи. Вот об этом надо думать мыслящим русским, да-с! А не о политике-с! – Он презрительно фыркнул.

– Любопытно... – покачал головой Ростовцев, отметив, что Элизабет не преминула сделать еще пару записей в свой миниатюрный блокнотик. – И что, вы сами взяли и решили, так сказать, проложить дорогу цивилизации в наши дикие северные пределы?

– Не один я, – в голосе барона прозвучало самодовольство. – Целый ряд уважаемых и состоятельных людей в России проявили интерес к этому проекту.

– Собираетесь, стало быть, вместе с ними продавать русское богатство иностранцам? – вдруг вырвалось у Юрия.

– Предрассудки! – высокомерно бросил барон. – Вам, Юрий Викторович, надо бы понять: иностранцы придут и уйдут, а вот освоенный полярный морской путь и все, что будет ими построено – города, порты, рудники, железные дороги, останется в России. И на пользу России. Кроме того...

Внезапно речь Нольде оборвалась на полуслове. Он привстал, внимательно глядя в угол салона. Барон чуть пошатнулся, как будто палуба ушла у него из-под ног.

Проследив его взгляд, Ростовцев не увидел ничего особенного, если не считать трех человек, мирно сидевших за кофейным столиком и поглощавших ароматный напиток.

Два джентльмена во фраках и манишках сидели к нему лицом, а третий в данный момент отвернулся. Тем удивительнее было то, как реагирует фон Нольде на эту безмятежную картину. Он побледнел, словно увидел привидение.

– Этого просто не может быть! – прошептал барон, еле шевеля губами, а затем встал и, не прощаясь, пошел прочь.

Несколько озадаченный стряпчий смотрел, как в боковом выходе исчезает высокая тощая фигура барона. Каким-то странным выходит плавание – старые знакомые и старые дела словно выплыли из океана жизни...

– С мистером Отто что-то не так? – озабоченно брякнула Элизабет.

«А вы проникательны, мадам шелкопер!» – вдруг с непонятым раздражением на вертикальную подумал Юрий.

Вслух, однако, вежливо ответил:

– Возможно, господин барон несколько... м-м-м... перебрал и счел нужным покинуть нас. А скажите, мадемуазель...

– Мисс! – обидчиво скривив губки, бросила Лиз.

– Мисс Грей, а кто там за столиком? Вы не знаете?

– То есть, как это не знаю? – притворно обиделась девушка. – Это же Арчибальд Батт, советник президента Тафта и, между прочим, мой коллега-газетчик.

– Президента Северо-Американских Соединенных Штатов? – непритворно удивился Юрий. – Газетчик?

– Ну, разумеется же! А рядом с ним его старый приятель, наш знаменитый художник Френсис Миллет. А сейчас простите, мне надо подышать воздухом. – Она игриво усмехнулась и упорхнула.

Он еще раз посмотрел на пресловутого Батта, который в данную минуту большими глотками пил коктейль.

С чего бы барону так пугаться, пусть даже и советника президента?

За столиком Батта сидел, кроме художника, человек, в котором Юрий опознал того типа, который делал мрачные прогнозы после чуть не случившегося утреннего столкновения. Но даже если и так, что в нем такого ужасного? Странно все это!

Глава 3

Появился Бонивур и плюхнулся в кресло.

– Юрий Викторович, – чуть склонился он к уху Ростовцева. – Госпожа Грей нас покинула, так сказать, насовсем? Не знаете?

– Нет, – коротко ответил стряпчий.

– Послушайте совет старого ловеласа, Юрий, – ухмыльнулся антиквар. – Сегодня вечером, когда публика будет расходиться, попроситесь проводить нашу очаровательную собеседницу до каюты. Думаю, – он закатил глаза, – вас ждет весьма завидное продолжение... Да, готов поклясться! Женщина, которая имеет при себе фляжку с таким сногшибательным напитком, каким она нас угостила, никогда не удовлетворится одним лишь бренди. Она наверняка готова зайти очень далеко... Увы, – развел руками Бонивур. – Потрепанные жизнью антиквары не для таких решительных молодых дам! Их больше привлекают загадочные сыщики-путешественники из далекой России. Пользуйтесь возможностями!

Он затараторил, рассыпая не слишком пристойные шутки и намеки и вспоминая Петербург и их возможных общих знакомых, и, в конце концов, вынудил Ростовцева изменить своим правилам безукоризненной вежливости в отношениях с людьми.

– Видите ли, Соломон Саулович, – усмехнулся Юрий. – Вы уж извините, но ваша дружба и общие дела с Ароном Гроссманом в моих глазах не лучшая рекомендация.

И глядя прямо в глаза оторопевшему негоцианту, произнес с расстановкой:

– Так вышло, что в «местах отдаленных», куда я на некоторое время угодил в юности за неводержанность в мыслях и словах, я встретил одного человека, бедного старого ювелира Шломо Шмульца, которого по вашей милости закатали в якутскую ссылку. Где он и умер, всеми забытый и нищий. Скажу откровенно, мне глубоко плевать, насколько вы с Гроссманом облегчили французскую казну во время той аферы с фальшивым скифским золотом. Но Шломо был очень добрый и хороший старик, и никто из вас, господа, ни разу не прислал ему ни денег, ни даже мацы к празднику...

Он был талантливым художником и мог бы стать знаменитым хотя бы на склоне лет, но вы и Гроссман втянули его в свои дела и погубили. Поверьте ссыльному студенту, угодившему в тайгу прямо с университетской скамьи: умирать в Сибири за чужие грехи – это очень тяжело...

– Но... я не знал, – залопотал вмиг побледневший Бонивур. – Я думал... Это все Арон с его жадностью! – воскликнул он.

– Я не должен сомневаться в ваших словах, как-никак презумпция невиновности, – пожал плечами Ростовцев. – Но хоть немножко помочь бедолаге-то вы могли? Он писал письма – вам, Гроссману, просил позаботиться хоть не о нем, а о семье... Но и вы и ваш... сообщник предпочли забыть о старике... Вот так вот!

Оставив за спиной что-то бормочущего антиквара, Юрий покинул «Палм-Кор».

День выдался длинный и непростой, и как приятно отправиться, наконец, в каюту и хорошенько отдохнуть.

...На этот раз, следуя любезной подсказке стюарда, Ростовцев смог воспользоваться лифтом – большим, хорошо освещенным, обшитым панелями из палисандра, с зеркалами и начищенными медными пепельницами. Юноша-лифтер доставил его на палубу «А» и через пять минут, переодевшись в халат, почистив зубы и плеснув в лицо пригоршню воды, Юрий устроился на кровати.

Сон не шел, и стряпчий решил просмотреть повнимательнее давешнюю газету.

Ничего особенно интересного он там не нашел, разве что сведения, что в их корабле ровно восемьсот восемьдесят два фута длины. Примерно как в четырех городских кварталах,

что в час его топки пожирают три вагона угля и что если поставить «Титаник» вертикально, то он будет почти вдвое выше знаменитого Кельнского собора и не менее знаменитой пирамиды Хеопса, и даже, как подчеркивала газета, самого высокого американского небоскреба «Эмпайр Стэйт Билдинг». Такое сопоставление слегка позабавило Юрия, но больше ничего интересного, кроме бесконечных биржевых сводок в «Атлантик дейли», не имелось.

Он уже начал погружаться в дремоту, когда в дверь кто-то коротко и настойчиво пробарабанил.

– Please! – коротко бросил Ростовцев. – Не заперто.

Когда петли заскрипели, он еще подумал, что, наверное, появился коридорный стюард предложить сода-виски на ночь или осведомиться, не испытывает ли неудобств уважаемый пассажир?

И в самом деле, в дверях стоял стюард, правда, не знакомый ему, а кто-то из старших, и без подноса и бутылки.

Но вот рядом с ним маячил хмурый второй помощник капитана, как его, Лайтоллер?

– Вы – Джордж Ростовцэфф? – осведомился Лайтоллер.

На его грубоватом лице было написано угрюмое напряжение.

– Да, а, простите, чем могу быть вам полезен? – приподнялся Юрий.

Предчувствия, как назло, продолжали молчать, но вот рассудок упрямо подсказывал, что вряд ли к нему стали являться в такой час, чтобы пожелать доброй ночи.

Офицер промолчал секунд пять, намереваясь что-то сказать, но все не решался.

– Сэр, попрошу вас следовать за мной! – наконец произнес он, и щека его нервно дернулась.

* * *

Интерлюдия первая. У КОНЦА ВРЕМЕН

Полуостров Юкатан. Государство ольмеков Тонала, 2110 хааб, или 157 цолкин Шестого бактуна¹, по календарю майя (он же 1367 год до Р.Х.)

Балам-Акаб², вел их, судя по всему, давно знакомым ему путем: вдоль озера, по пропитанной влагой глине, потом – с камня на камень, все дальше и выше, между каменных стен, уходящих во тьму. Вот миновали зал растущих прямо из пола каменных колонн-сталактитов. Вот свод стал ниже потолка, и пришлось пригнуться, чтобы не разбить лбы.

Это место, похожее на низкий погреб, одно из самых важных среди священных подземелий: здесь можно почувствовать, готово ли Сердце Скал принять тебя? Или лучше вернуться, дабы не прогневить богов.

Подземелья были невообразимо древними. Как говорят предания, когда люди впервые пришли сюда из северных пустынь и исполинских прерий, то уже обнаружили несметное число подземных крипт и храмов. Большая их часть обрушилась или была затоплена морем, но и то, что было доступно людям, не могло не поражать, и внушало трепет. Мало кто отваживался сюда спускаться, но Балам-Кице мог бы пройти эту дорогу с закрытыми глазами. Из внутрен-

¹ Цолкин – священный лунный год по календарю майя, длившийся 160 дней. Хааб – солнечный год, длившийся привычные нам 365–366 дней. Бактун – малый цикл календаря майя, длившийся чуть более 394 лет. Автор придерживается точки зрения, согласно которой и календарь, и основы цивилизации майя были позаимствованы ими у ольмеков, или даже вообще ольмекская культура создавалась непосредственными предками майя.

² Балам-Акаб («Ягуар Ночи»), Балам-Кице («Улыбающийся Ягуар»), Маукута («Славный именем») и Ики-Балам («Ягуар Луны»). Согласно эпосу «Пополь-Вух», великие предки майя, которые «были одарены мудростью; они видели и вблизи, и вдали, и продолжали видеть и узнавать все, что происходит в мире».

него дворика за третьими воротами храма Властелина Смерти, под резным изображением священной битвы, в которой давным-давно близнецы-герои, Кукулкан и Тецкатлипока, Мастер Дымных Зеркал, убили чудовище хаоса Силпактли, а потом создали мир из его плоти и крови. Коридоры то радовали неровным диким камнем стен, то являли собой написанные в незапамятные времена фрески.

И Балам-Кице узнавал их сюжеты. То были старые и полузабытые уже предания времен, описанных в «Анналах Куаутитлана», гласящих о том, что во время Второй эпохи, или Второго Солнца, жили великаны, но потом они погибли, а их кости были разбросаны по ущельям.

Другие изображали жизнь при первых царях ольмеков и были смутными и неопределенными, как и все, что касается тех полузапретных времен.

Целая серия картин была посвящена полузапретному мифу о том, как те самые первые цари похитили или приманили несколько великанов где-то на севере в долинах Кускотололана. Эти великаны, называемые «к`хинаметин», по воле первых царей-еретиков построили пирамиды Теотиуакана, а великан по имени Шельхуа воздвиг теокалли в Шолулле.

По мере того как они углублялись в подземные галереи, живопись, видимая на стенах в свете факелов, становилась все более мрачной и пугающей.

Балам-Кице повидал немало, в том числе и вещей, которые обычный земледелец, рыбак или охотник даже шепотом вслух не назовет. В своих странствиях по делам храма и царства он видел места достаточно зловещие: места погребений ныне сгинувших народов, могильники в покинутых городах, древние крипты народа Крови в Алькоталлане. Но сейчас, глядя на танцующих спрутообезьян на стертых барельефах, жрец почему-то ощутил холодный страх. Балам-Кице усилием воли прогнал нарастающую робость. Все наставники постоянно твердили ему, что первое правило для мага и слуги богов – ничего не бояться. Страх лишает силы ноги, руки и дух, и этим сразу воспользуются все демоны и духи, что населяют окружающее. Они так и ждут момента, чтобы уничтожить тебя или сделать беспомощным, или поразить болезнью.

В небольшом подземном зале с бьющим фонтаном веселым источником, освещенном парой десятков факелов благовонной смолы, их с наставником встретили другие участники грядущего действия.

Первым был Олаиаль, Хранитель Священной Гробницы. Его одежда: большое покрывало, ниспадавшее широкими складками и украшенное внизу по кромке красными изображениями летучих мышей.

Невольно Балам-Кице взгляделся в его лицо – сухой аристократический лик отпрыска правящего дома, человека с кровью богов.

А Ики-Балам – человек совсем иного склада. Балам-Кице почти не видел его вблизи, за исключением ночи своего посвящения.

Почти голый, лишь в маленькой набедренной повязке, украшенной драгоценными камнями, мужчина высокого роста, упитанный, с обритой почти наголо головой, где на затылке осталась заплетенная в косу длинная прядь волос, уложенная в узел на темени. Лицо грубое, как у простолюдина, день за днем вскапывающего костяной мотыгой свой участок и проводящего жизнь в заботах о бобах и кукурузе.

Цепочка людей вошла в обширную пещеру, освещенную разложенными на полу большими кострами. Благовонный смолистый дым от них поднимался к своду и выходил через какие-то невидимые отдушины.

Тут же у стены находилась статуя не человека и не бога.

Создание, восседающее на каменной плите, было ростом с человека. Зеленовато-серая каменная чешуя, вытянутая вперед пасть, усаженная острыми зубами. Огромные когти на каждой лапе. Человекоящер присел, опираясь на длинный мускулистый хвост.

Балам-Кице знал, кого изображает изваяние.

Кух'атлакхатли, древние змеелюды, как люди, строившие города и летавшие в небесах. За злобу, нечестие и пороки боги поразили их в незапамятные времена небесным огнем, и кончилось их время, хотя до времени людей было еще много сотен столетий. Только в бескрайних лесах юга, среди влажного душного ада, их лишившиеся разума потомки еще изредка попадают – как предостережение людям и свидетельство величия богов.

Говорили, что это тысячи лет назад созданное изображение принесено из другого мира под другими небесами.

А между костров их ждал еще один участник их встречи.

Звали его, тоже знакомого Балам-Кице, Маукута. Это было более чем серьезно, ведь он представлял тут племена горцев внутренних плато. Он не просто жрец или шаман, он носит особый титул – жрец-колдун. Как правило, такие, как он, ведут жизнь отшельников и между собой общаются редко.

Маукута обычно жил в развалинах древнего города в покинутом храме Отца-Симпактли, культ которого исчез век назад.

Жрец-колдун – это особая статья. Вызыватель демонов, умеющий подчинять их, изгонять и даже убивать – и по слухам, такие как Маукута, черпали свою силу прямым из Нижних Миров. Горцы считали себя потомками от брака людей и духов, сошедших когда-то с небес, и в чертах их лиц нет-нет да и мелькнет нечто, заставляющее подозревать в них демоническую кровь.

Но именно горцы сохранили многое с тех времен, когда в эти земли пришли их предки. Пришли, ведомые жрецами, которым сами боги указывали дорогу.

Балам-Кице был в обиталище Маукуты всего один раз и то с наставником. Обиталище его имело вид небольшого святилища – зловещей комнатки со стенами, разрисованными непонятными рисунками и надписями, и обсидиановым алтарем с вечно дымящимся жертвенником. Под землей, в катакомбах храма, он проводил большую часть времени, а если и выходил наружу, то предпочитал делать это ночью. Произошло нечто серьезное, раз этот человек решил нарушить свое уединение.

Молча расселись они вокруг костра на светлом песке, принесенном тысячелетия тому назад подземными водами.

– Доброго здравия вам, собратья, – произнес Балам-Акаб.

– Я не вижу тут Камако, Пляшущего Орла, владыку таинств Укалькатамайо и высшего из Смотрящих в Дымные Зеркала, – желчно прокаркал Маукута.

– Наш почтенный собрат нездоров. – Наставник Балам-Кице чуть склонился.

– Да будет так... Хотя его слово и его мысль была бы нелишней в предстоящем разговоре. Ибо кому, как не слуге высочайшего из богов, растолковать жалким смертным, как и почему гибнет Мир Сей?! – сообщил свое мнение Ики-Балам.

Никто не проронил ни слова в ответ.

Конечно, в душе им всем хотелось бы не верить. Но уж больно угрожающими были видения, что зрели в священном трансе пророчествующие жрецы и шаманы, уж больно зловещие знамения читались гадателями и уж больно недобрые сны снились посвященным...

– Боги дали нам разум, и думаю, к нему надо обратиться, чтобы понять происходящее, – попытался развеять мрачное настроение Балам-Акаб.

– Ты прав, люди разумны, но разум их жалкий сравнительно с разумом истинных владык мира, – молвил Маукута. – Это нужно понять – человек всего-навсего червь в теле мира, которым *Великие* подарили обличье обезьян. Были потопы, пожары, ужасающие ураганы и страшные землетрясения, нашествия кровожадных хищников и смуты... Но что и когда положит конец нынешней эре, нам неизвестно.

Прежние эпохи завершались великими бедствиями – может, эта завершится мирной смертью – как умирает ягуар от укуса маленькой коралловой змейки? Но перемены грядут,

нынешний порядок вещей будет сметен либо самим Кукулканом, либо некими непонятными сущностями – может быть, его детьми?

– Можно бы спросить небесных владык в их царстве... – Маукута как бы размышлял вслух. – Но все вы знаете, не ты, а они говорят с тобой по своей воле, и лишь когда пожелают.

Присутствующие согласно промолчали. Впрочем, все они отдавали себе отчет в том, что, может быть, боги и всемогущи, но они далеко. И достучаться до них трудно.

Балам-Кице тоже мысленно согласился с чародеем. Люди есть люди, а боги есть боги. Их пути – не наши пути, вспоминал он слова старого учителя, Пальмы Ветров, Чтеца Знаков из Торваарала, разменявшего тысячу сто лун.

Есть, конечно, еще и *Те*... Но кому, как не жрецу Падших Звезд, знать, что Они вначале многое дают, но потом заберут *все*. И вполне возможно – **всех**. А если пришел кто-то еще? Ведь даже обычные жрецы знают о девяти преисподних, над которым не властен двуединый и его жена. А сколько этих миров еще может быть ниже Мира Сего и выше Небес?

– Знание сокрыто от нас волей Небес. Но есть способ обойти запрет и установления, если на то есть нужда, – не без самодовольства констатировал жрец-колдун. – Со мной одна из сиуакоатль из Храма при Гробнице...

Из темноты вышла девушка в церемониальном плаще, блеснувшем радугой драгоценного пера.

Все присутствующие молча коснулись правой ладонью груди, приветствуя одну из «женщин-змей», а в ее лице – и ее Повелительницу.

– Она исполнит священный танец, дабы открыть на миг сокрытое за гранью. Исполни же, Бирюзовая Ящерка! Яви свое искусство! Ради Нее и ради всех нас.

Молодая женщина выступила вперед. В отблесках высокого пламени было видно, что она смуглолица и красива и при этом высокого для женщины роста...

Повинуясь молчаливому приказу, она остановилась рядом со жрецом-колдуном и сбросила с плеч плащ из птичьих перьев.

Ящерка стояла нагая босиком на выглаженном меловом полу пещеры и заворуженно следила за руками жреца.

Гибкие пальцы выписывали перед ее лицом медленный танец. В ладонях его извивалось нечто вроде сверкающей змеи. Приглядевшись, Балам-Кице узнал ожерелье из прозрачных камней, нанизанных на нитку из человеческих волос.

Посвященные, невольно следившие за этими плавными заворуживающими движениями, почувствовали одно и то же – медленное головокружение...

Откуда-то словно издалека донесся новый приказ:

– Танцуй! Я, именем Хозяина Миктооллана, призываю тебя, иди на Край Мира и веди нас. Яви нам истину!

Под невнятный, еле слышный рокот барабана юная Ящерица медленно закружилась вокруг костра. Движения сплетались воедино со звуками, и не было сил отвести взор.

Но такого желания не ощущалось, напротив, хотелось смотреть не отрываясь. И это им, людям, учившимся и знающим много, способным заворужить не только простого общинника, но и змею...

Ритм становился все отрывистей и быстрее, звуки все сильнее отдавались в голове, и все быстрее перебирали маленькие точеные ноги жрицы, все неистовее плясала блестящая змея в ладонях...

Жрец-колдун начал петь низким, не похожим на свой обычный голос, выкрикивая непонятные жуткие призывы:

– Хаарранг!! Хаарранг!! Хаарранг-Ра!! Ккхухтлан ха! Хаарранг! Аззад'даг!..

А потом Балам-Кице понял, что начинает видеть Путь. Тот самый, что идет по грани миров. Что приоткрывается обычному человеку только в бреду, в агонии или уже после смерти.

Тот, что он видел, причастившись запретных зелий. Правда, выглядел он теперь как-то совсем по-другому...

Ему показалось или свет факелов и в самом деле стал отливать черным ореолом? И почему он странно отражается на алтаре? Так, что его обсидиановая полированная поверхность, кажется, становится прозрачной, выбитые на нем знаки наливаются кровавым отблеском, и среди них один, неизвестный ему многоугольный изломанный символ, как бы мерцает и пульсирует в такт тяжелым, неумолимым словам, вырывающимся из уст жреца-колдуна...

– Гха'асс!! Гха'асс!! Гха'асс-Раг'гар! Ккхухтлан! Ккхухтлан нгл-тттар ральг'х!..

Балам-Кице мнится, что окружающая их тьма смыкается. Они словно вдруг оказались в тесном подземелье, стены которого с каждым возгласом, падающим словно камни, сближаются и вот-вот раздавят ничтожных смертных...

– Аззад'даг! Аззад'даг! Аз Аззад'даг!

А потом он оказался Извне... И вот он уже покинул Мир Сей. Он в том другом, невообразимом, клубящемся Мире, заполненном чуждыми существами, где нет ни «близко», ни «далеко», ни «здесь», ни «там», ни «вне», ни «внутри», ни «рано», ни «поздно». В Мире, заполненном звуками и красками, но такими, что неведомы человеческому глазу и слуху!

Тому, кто не способен выйти за пределы Срединного мира, Мира Сего, невозможно описать словами и объяснить, что это такое...

Твой дух перемещается в чудовищной завораживающей пустоте, которая смыкается с обычным мирозданием везде и нигде... Этот мир тысячекратно изменчив... Яркие краски, холодный металлический блеск, преломленные лучи радуги, в которой есть цвета, неведомые глазу обычного человека... Но там есть жизнь и движение. Ползают друг по другу черные и красные сгустки. Пульсируют, сжимаясь и разжимаясь, кольца цвета оникса. Внутри сотканых из света кристаллов пробегают изумрудные лучи.

А потом перед ним возникла черная дыра, воронкой сходящаяся книзу, если тут был низ. И Балам-Кице падал туда, стремительно и невесомо...

А еще через какое-то время понял он, что во Тьме еще кто-то есть.

Неслышные и невидимые. И, тем не менее, всем своим существом он ощущал их присутствие. Откуда-то из глубины подсознания, словно из мрака океанской бездны, всплывает чудовищный и прекрасный в своей отвратительности спрут.

А потом из бездны донеслись голоса. Не людские и монотонно бормотавшие на нечеловеческом языке. Да, наверное, они и не были звуками! Но то, что они говорили, ученик Балам-Акаба понимал.

– ...*Время перемен...*

– ...*Гибель сущности...*

– ...*Извращение естества...*

– ...*Необратимое изменение...*

Речитативом, как заклинания в Ночь Красной Луны или молитвы Нездешним в Ночь Малой Луны, звучали эти фразы в бездне...

Потом Балам-Кице с облегчением почувствовал, что неведомая сила отступила, что омерзительные и одновременно притягательные голоса больше не слышны.

И именно тогда перед глазами его возникло Видение.

Сменявшие друг друга, они почти не задерживались в памяти, но всегда вызывали страх. Белокожие двуногие демоны, верхом на демонах четвероногих, стреляющие молниями в меднокожих нагих детей истинных богов. Руины городов и разбитые алтари и статуи богов. Порабощенные жалкие остатки великих народов... Другие города – невозможные, огромные с

домами под небо. Они же – разрушенные и усыпанные костями... Но одно видение вдруг стало особо ярким.

Сперва холодный ветер повеял из тьмы. Затем из полумрака проявились белые склоны невысоких гор...

Холодный ветер гнал свинцовые волны на песчаный берег, срывая с гребней клочья белой пены. Жалобно кричали морские птицы. Серо-черные тучи низко нависали над морем и землей, и, казалось, в любой момент рухнут вниз... Высокие деревья темной зелени с непонятными острыми иглами вместо листьев. Темные неяркие краски... Серый, а не синий оттенок воды.

Вначале он решил, что находится в лесах Северного Предела. В этих страшных краях Балам-Кице, разумеется, никогда не бывал, но узнал его по древним преданиям и рассказам ходившего туда наставника, а также по описанным в легендах ало-крапчатый грибам, яд которых был прославлен в самых темных преданиях. Отвар этих грибов был первым снадобьем, с помощью которого шаманы предков научились покидать Мир Сей. Но только вот стоило ошибиться, и неудачника настигала смерть в мучительных корчах. Впрочем, лучше было умереть от волшебного гриба, чем встретиться с настоящим ужасом этих лесов – Тем-Кто-Идет-По-Ветрам или его детьми.

Но затем он взмыл вверх, узрев раскинувшиеся во весь горизонт ландшафты с бесконечными сверкающими ледяными горами, состоящими из одной лишь замерзшей воды, северными сияниями, полярными и белыми ночами.

Потом его дух помчался навстречу заходящему солнцу...

Неведомая земля, горы и реки, затем снова море и, наконец, знакомые берега Толлана...

Значит, это место не на севере, а за Большой Водой, на дне которой упокоилась Земля Крови.

И увидел огромный остров-скалу, идущий по воде между ледяных гор, извергавшую огромные дымы... Потом каким-то чутьем понял, что это не остров, а исполинский корабль – больше любого из дворцов владык Мира Сего. И внутри него таится неясное зло... Зло, которое есть Великое Искажение Мира... Потом его дух помчался навстречу заходящему солнцу... Неведомая земля, горы и реки, затем снова море и, наконец, знакомые берега Толлана... Значит, это место не на севере, а за Большой Водой, на дне которой упокоилась Земля Крови.

Потом его дух помчался навстречу заходящему солнцу...

Неведомая земля, горы и реки, затем снова море и, наконец, знакомые берега Толлана...

Значит, это место не на севере, а за Большой Водой, на дне которой упокоилась Земля Крови.

... Старая Бирюза не сразу понял, что вновь оказался в своем теле, в подземелье древнего храма, который построили неизвестно кто.

В кругу лежала недвижно Ящерица, и лишь еле видимое биение жилки на виске говорило, что девушка жива.

Молчание длилось долго и стало под конец вязким, почти как застывший мед.

– Я скажу, – начал, наконец, жрец-колдун. – Не знаю, что послужит тому причиной, но границы между нашим миром и иными распадутся. Зло, погребенное богами, на дальнем юге воскреснет, Великий Змей Времени поглотит нашу землю и настанут великий хлад, мор и бедствия... Предотвратить это не в наших силах...

– Кто же сможет такое совершить, ведь и боги не властны над Змеем? – прошептал наставник Бирюзы.

– Может быть, – подал голос Нефритовый Кайман. – Но быть может, они властны его обмануть.

– Но зачем?!

– Кто ж ответит? – желчно усмехнулся старец. – Вечные – не люди; их тропы – не наши тропы. Может быть, то, что враждебно одним из них, то радостно другим? Может быть, и у Великого Змея есть соперники? Мы знаем лишь краешек их Мира, но и то, что знаем... Они очень разные, духи, и вражда между ними... Люди давно живут под Луной, и боги не единожды возвышали их, чтобы, разгневавшись, втоптать в грязь.

Следы остались – заброшенные города в джунглях, опустевшие развалины, змеи, поселившиеся в залах некогда величественных дворцов и храмов. Или руины далеко на островах в океане, что к востоку от нашей земли. Или, – зловеще-многозначительная улыбка тронула его губы, – то, что сейчас покоится под Великими Льдами далеко к югу. В Мире Сем известны лишь отголоски войн между богами, теми, что со звезд, и теми, что Извне. Ну а уж война в их Мире... Никто из вас и представить себе не может, что это такое. Я не смогу это внятно объяснить, но сейчас люди, не только Люди Ягуара, а все в Мире Сем, стоят перед темным входом в непроницаемый лабиринт. И в глубине этой ночи, в которую предстоит ему войти, я видел красные глаза чудищ.

– Воля Тех, желания Тех, цели Тех людям недоступны! – внушительно промолвил жрец-колдун, воздев вверх указательный палец, кем-то наполовину обгрызенный в давние времена.

– А может быть, это лишь игра? – вдруг спросил Старая Бирюза. – Возможно, Могущественные тоже играют в свои кости и мячи из смолы чикле... На Земле Крови незадолго до ее конца, говорят, как-то поняли, что Мир наш круглый, как тот самый мяч... Значит, кто-то может им сыграть...

– Не думаю, что боги играют в кости, – возразил Белый Тапир. – Да и в мячи... Но ведь и боги не всемогущи, и вдруг им просто для чего-то потребовались те люди, чтобы они проложили новый путь для всех людей. Раз уж у богов не получилось... Ведь Бессмертные не раз показывали людям дорогу, хоть у нас, хоть в южных горных царствах, хоть на Восточном Острове, и лишь мы сами виноваты в том, что этого не делаем. Понимаешь?

– Выходит, наша гибель predetermined? – печально произнес молодой жрец.

– Я этого не сказал и даже не думал! – Белый Тапир даже рассердился. – Разве я тебе не говорил: predeterminedности нет, но есть predeterminedение. И потом, не думаю, чтобы, пожелав погубить Мир Сей, боги избрали бы странный и невероятный способ. Они и сами бы смогли наслать волны до небес и огненные дожди, как это уже бывало.

– Как бы то ни было, это случится, – сварливо заметил Нефритовый Кайман. – Звезда Кими³ скоро пересечет путь Солнца, и бактун придет к концу. Он умрет. И, видимо, наш Мир – тоже. Умрет, как умирает все на свете. Умирать он будет долго...

– Но ведь это случится не сейчас? – с надеждой молвил Старая Бирюза. – А через многие-многое годы. Нас, детей наших и даже праправнуков не будет...

Нефритовый Кайман печально усмехнулся:

– Безумец! Лишь проживший на свете такую малость лет, как ты, не понимает, что для Мира Сего год или тысяча лет – это как мгновение...

Тапир небрежно взмахнул рукой в ответ:

– Смерть старого мира уже не имеет значения. Важно, каким станет новый, тот, что родится после. И я думаю, что это в наших руках. Вспомните, братья, великие бедствия разрушали жизнь и прежде, и, тем не менее, люди жили и живут. Но что, если только теперь в нашей власти не просто создать мир заново, но создать его лучшим?

Он промолчал какое-то время, обдумывая некую важную мысль, а затем продолжил:

– Думаю, нам нужно объединить наши силы с братьями из-за Великой Воды. В знак нашего расположения отошлем им «Черную Луну». – Он ткнул пальцем в дымное зеркало, безмятежно лежавшее у алтаря с грозным чудовищем. – Кто-либо из нас отправится вместе с

³ Кими – обозначение планеты Марс в астрономии майя.

ним. Нужно показать братьям то, что мы только что видели. Вдруг можно будет вылепить этот мир заново, как гончар лепит горшок из глины? И если надо будет это сделать нам, если такова воля богов, мы сделаем то, что хотят боги.

«Мы сделаем...» – эхом ответил внутренний голос Старой Бирюзы.

– Я готов отправиться за Великую Воду...

Присутствующие склонили головы в знак согласия.

Глава 4

Глубоко засунув руки в карманы легкого плаща, Ростовцев шагал по малолюдной в этот ранний час верхней палубе. Из серых волн на востоке поднималась заря. Ее перламутровый отблеск падал на темные клубы дыма, на трубы и надстройки исполинского судна.

Под порывами утреннего ветерка тихо скрипели тросы тяжелых спасательных шлюпок.

Мимо проследовал немолодой матрос, прячущий лицо за поднятый воротник бушлата.

– Все в порядке, мистер? – зачем-то осведомился Юрий.

– Все идет как по маслу, господин пассажир, – ответил тот, зевая. – Такое плавание вызывает страшную скуку – и слава всем морским богам и чертям! Извините, сэр!

– Ничего!

Моряк коснулся двумя пальцами бескозырки и ушел.

Вздохнув, Юрий спустился вниз.

По дороге он вытащил украдкой из кармана пару невзрачных продолговатых орешков.

Кола – средство чудодейственное, прогоняющее сон и наполняющее силой. Правда, доктор Грингмут, познакомивший Ростовцева с этим африканским зельем, предупредил, что им нельзя злоупотреблять – организм быстро привыкает и пропадает весь эффект. К тому же расстраиваются нервы.

Но сейчас ему как никогда, пожалуй, требуется ясный ум и бодрость. Отсыпаться будем ближайшей ночью, а пока предстоят дела – большие и важные. Ибо за прошедшие семь с лишним часов в его жизни слишком многое изменилось, причем не в лучшую сторону.

Проклятое расследование, свалившееся воистину как снег на голову и за которое уже получен гонорар. А еще есть как минимум один труп и неведомый убийца на борту...

Да еще Елена, сейчас тревожно сжимающаяся от каждого шороха в его каюте... Вот еще проблема. И что с ней делать?

Корабль понемногу оживал. В буфетных рано вставшие пассажиры первого класса вкушали чай или кофе с фруктами и свежей выпечкой с разными сортами мармелада.

Даже к легкому завтраку господа и дамы выходили уже подобающе одетыми. Мужчины в костюмах из твида или фланели, обязательно с подходящими по цвету жилетками. Дамы – в шерстяных юбках пастельных тонов, некоторые в полосатых куртках. Впрочем, не все выглядели столь безупречно – хватало личностей с заметной небрежностью в одежде, что вполне объяснялось слегка помятыми после вчерашних возлияний физиономиями. Мелькали юные девушки в галстучках и беретах в шотландскую клетку. Иные появлялись на людях даже в домашних тапочках.

До завтрака пассажиры разошлись кто куда, соответственно своим интересам: кто-то расположился в библиотеке, кто-то направился в гимнастический зал. Любители двинулись в турецкие бани, попариться или поплавать в бассейне. Некоторые уселись в салонах за картами, то ли начав новую игру, то ли продолжив вчерашнюю. А кто-то просто прогуливался на верхней палубе или сидел в шезлонгах, укутавшись пледом, и попил крепкий говяжий бульон, подаваемый предупредительными стюардами. Их примеру последовал и Ростовцев.

Устроившись в шезлонге и грея руки о чашку с бульоном, он принялся еще раз вспоминать все, что случилось с ним сегодняшней ночью...

* * *

Лайтоллер, за которым едва поспевали Ростовцев и стюард, выбрал какой-то непонятный маршрут – мимо широких освещенных коридоров первого класса. Какие-то боковые проходы,

перегороженные палубы, крутые трапы, по которым надо было сперва подняться, а потом спуститься.

Но вот они у цели.

Неширокий коридор был освещен большой лампой на никелированном фигурном кронштейне над двустворчатой дубовой с бронзовой отделкой дверью капитанской каюты. Ковер под ногами – толстый, темно-зеленого цвета. Было тихо, даже шум машин сюда не долетал.

Юрий переступил порог.

За большим письменным столом красного дерева, заваленным бумагами, виднелись книжные полки.

В каюте было трое людей.

Первый, уже знакомый ему капитан Смит, в отглаженном мундире с несколькими медалями на груди, выглядящий даже в этот поздний час безупречно.

Вторым был человек, одетый в шелковый сюртук, с аккуратными усиками и идеальным пробором. И его Ростовцев тоже узнал по фото в корабельной газете и впервые встревожился по-настоящему: в капитанских апартаментах присутствовал не кто иной, как сэр Брюс Исмей – глава правления «Уайт Стар Лайн».

Третий – седой грузный человек в черном морском мундире, судя по отсутствию лычек и нашивок, птица не слишком высоко полета. Что ему делать в обществе лорда и капитана? Да и вообще, на взгляд Юрия, столь пожилому человеку уже пора бы сойти на берег...

Не менее удивительным было, что стюард, с которым он пришел сюда, тоже остался – скромно стал у двери, пока Лайтоллер уселся на диван.

– Присаживайтесь, мистер Ростовцефф, – произнес капитан с оттенком обреченности в голосе. – Присаживайтесь, разговор нам предстоит долгий и непростой...

Юрий не догадывался, что сейчас чувствует этот внешне несокрушимый морской волк.

А чувствовал капитан Смит себя очень скверно...

Восседая за особым «капитанским» столом в салонах лайнеров, которыми командовал, проводя вечера за коктейлями в роскошных салонах первого класса, он любил развлекать почтительно внимавших ему «тузов» и дам из общества байками о том, как тринадцатилетним мальчишкой сбежал в море, нанявшись в Ливерпуле юнгой. И как потом, ступенька за ступенькой, прошел нелегкий путь от матроса до капитана. Смит и в самом деле считался одним из лучших капитанов Британского торгового флота. Был накоротке со многими важными персонами – насколько в старой доброй Англии это возможно для вчерашнего простолюдина.

Он начинал службу еще на парусном флоте под началом тех знаменитых капитанов, о которых по сию пору рассказывают легенды в ливерпульских и саутгемптонских портовых кабаках. Он пережил и пожар на море, и кораблекрушение у необитаемого острова, трижды огибал мыс Горн под парусами. Одним словом, познал еще много такого, о чем не рассказывал, разве что в кругу таких же старых морских волков. И тогда в азарте стучал кулаком по столу, возвращаясь в дни лихой молодости, и слова, что срывались с его губ, вряд ли предназначались для нежных дамских ушек пассажиров первого класса.

В юности его шхуне «повезло» нарваться на последних магрибских пиратов, что и в эпоху броненосных крейсеров не оставляли своего промысла. Смит навсегда запомнил дикий вой лезущих на борт оборванцев, безумный блеск глаз под низко надвинутыми фесками, сверкание сабель и грохот выстрелов из допотопных кремневых пистолетов. Тогда они спаслись чудом, потеряв дюжину матросов.

Видел Смит и те таинственные и жуткие доказательства того, что человек в море – лишь слабый и не знающий ничего толком гость. То, о чем не знают ученые мужи, но о чем расскажут в любом матросской пивной. И трупы странных тварей, колыхающиеся на волнах. И исполинские водовороты, соперничающие со знаменитым Мальмстромом. И огромные волны высотой десятки футов, возникающие ниоткуда среди ясного дня при тихом ветре. И гигантские све-

тящиеся колеса или спицы, вращающиеся с бешеной скоростью, и мерцающие полосы, перечеркивающие океан до горизонта; поднимающиеся из глубин столбы света и подобные лучам прожекторов.

Много раз его корабли натыкались на покинутые суда – их ведь намного больше, чем думает обыватель, представления не имеющий, сколько кораблей не возвращается в порт. А однажды видел нечто из ряда вон выходящее: предмет, похожий на тускло сияющую большую миску, что всплыл из глубины, а потом бесшумно взлетел в низкие облака, не оставив на воде ни волн, ни ряби...

Но как не без гордости подчеркивал Смит, он никогда не терял хладнокровия.

Даже когда на мостике барка «Ньюкасл» юнга прямо на его глазах зарубил топором изнасиловавшего его капитана, Смит не утратил самообладания и продолжал крепко держать штурвал на спасительном курсе между смертоносными мелями Доггер-банк, хотя его роба была забрызгана кровью и мозгами содомита.

Но вот теперь на него накатывало мутное липкое отчаяние.

Последний рейс! Перед почетной отставкой и щедрой пенсией. Многие ли из капитанов могут похвастаться пенсией от судовладельцев? Сколько их, вчерашних повелителей морей, умерло в нищете и безвестности, когда они стали не нужны хозяевам?

А теперь дай бог, чтобы кинули фунтов тридцать – сорок в год! Прощай слава и почет!

Про него будут говорить: «Это тот капитан, у которого в последнем рейсе убили пассажира!» И что хуже всего, все это на глазах Исмея, и тот уж точно не даст ему спуску!

И сейчас, поглаживая дремлющего у ног любимца Бена – русскую (вот опять, русскую!) борзую, Эдвард Джей Смит мучился глухой тоской.

Он поглядел на Лайтоллера – уже немолодой, тот считался человеком жестким, даже среди выдавших виды моряков английского флота.

На его умение да еще на таланты этого странного русского, присоветованного корабельным казначеем, и была вся надежда.

– Итак, мистер Ростовцефф... – Смит не стал тянуть кота за хвост. – Дело в том, что у нас на корабле произошел весьма прискорбный... инцидент. Убит ваш соотечественник – барон фон Нольде.

– Как?! – только и спросил Юрий.

– Зарезан в собственной каюте, – пояснил капитан.

– Не может быть! – выдохнул стряпчий.

– Увы, Юрий Викторович... – грустно произнес по-русски седой, отчего Юрий окончательно растерялся.

– Позвольте представиться: Брюс Исмей, генеральный директор компании, – вступил в разговор усатый джентльмен. – Именно мне принадлежит идея пригласить вас сюда с подачи, разумеется, мистера Майкла...

– А это мистер Майкл Джадовски, – капитан указал на старика. – Казначей, вернее, второй казначей корабля. Мистер Майкл, объясните вашему земляку все, что знаете, будьте любезны, – предложил лорд.

– Да, позвольте представиться, господин Ростовцев, – продолжил по-русски странный старик. – Михаил Михайлович Жадовский, капитан лейб-гвардии в отставке, кавалер ордена Анны третьей степени и Станислава с мечами, но все это в прошлом. Ныне я служащий компании «Уайт Стар». Мы с вами знакомы заочно...

– Вот даже как? – озадаченно нахмурился Ростовцев.

Что на британских кораблях ходит сброд со всего мира, он знал и раньше, как-никак Петербург, где он вырос, тоже портовый город. Но чтобы русский офицер и дворянин занял должность на английском судне?! И что-то он не припоминал, чтобы хоть раз встречался с этим человеком.

Хотя... Жадовский! Ну конечно же!

– Простите, мистер... то есть Михаил Михайлович. А генерал Жадовский из Артиллерийского управления Генерального штаба, он вам не родственник? – любопытствовал Юрий.

– Это мой двоюродный брат. – Как ему показалось, старик был раздражен упоминанием родственника. – Собственно, благодаря письму от него я про вас и узнал, и вспомнил, когда решали вопрос, что делать дальше.

– Да, я понимаю, – кивнул Ростовцев, хотя ничего не понимал.

– Когда обнаружился... – Исмей помялся, – прискорбный факт насильственной смерти мистера Нольде, мне, разумеется, пришлось посвятить мистера Джадовски в детали случившегося, все-таки они с убитым из одной страны, и нужен был совет... А мистеру Джадовски я доверяю безоговорочно, иначе бы не назначил хранителем денег и ценностей на нашем, в некотором смысле, набитом золотом корабле. И именно он сообщил мне, что в числе пассажиров есть толковый сыщик, умеющий держать язык за зубами! – в голосе лорда прозвучало легкое аристократическое пренебрежение. – Что в свете необходимости сохранения в тайне всего случившегося особенно важно!

– В тайне?! – Ростовцев с недоумением посмотрел на Исмея, а потом на капитана. – Признаться, я не совсем понимаю...

– Именно, мистер Ростовцефф, именно!! Поймите меня правильно, – вещал Исмей. – Если о случившемся станет известно, то может начаться самая настоящая паника! Подумайте, как поведут себя люди, узнав, что по «Титанику» бродит убийца! – патетически взвизгнул он.

Вытащив из кармана платок, лорд стал нервно комкать его в руке.

– Я уж не говорю о том, какие катастрофические последствия для «Уайт Стар Лайн» будет иметь огласка! Представьте газетную травлю, которую начнут эти... – он на секунду запнулся, – акулы пера. Репутация компании рухнет, и наши конкуренты, те же немцы, уж поверьте, постараются выжать из произошедшего все, что возможно! Послушайте, – Исмей вытер испарину со лба, – в некотором роде от вас зависит судьба всех нас!

И тут Ростовцев осознал нечто удивившее его в первый момент.

Все собравшиеся в этой каюте – и важные господа в лице Исмея, и британские моряки, и даже Жадовский – были рады, что на борту оказался он, мастер сыскных дел. Что есть на кого свалить груз ответственности и, может быть, вины за провал?

А ведь они боятся! Черт возьми, боятся! И непонятно чего больше, огласки со скандалом, или того, что по кораблю в данный момент бродит беспощадный и неуловимый убийца. И как знать, кого он изберет своей следующей мишенью? Ладно, если ограничится бароном, а если нет? Вдруг ему придет в голову разделаться... ну, хоть даже и с тем же Исмеем?

– Хорошо... Но что требуется от меня, господа?! – как можно спокойнее справился Ростовцев. – Подозреваю, что господин Жадовский несколько преувеличил мои способности. Я ни дня не служил в полиции, и если проводил расследования, то обычно дел сугубо специфических, касающихся вопросов обмана компаньонов или, к примеру, адюльтеров.

– Ну, не прибедняйтесь, Юрий Викторович. – Жадовский смотрел на него почти с сочувствием. – Тем более, поверьте, у нас не было выхода...

– Но есть же, в конце концов, полиция! – осторожно заметил Юрий. – Может быть, привлечь их, согласно британским законам?

С его стороны это был изрядный блеф.

Официально никаких стражей порядка на «Титанике» не было. Прежде всего потому, что важные господа из первого класса пришли бы в ярость, узнав, что рядом шныряют полицейские ищейки. Люди, стоящие на самой высшей ступеньке социальной лестницы, жутко бы оскорбились при одной мысли о тайном надзоре!

(Именно поэтому шулеры и альфонсы могли чувствовать себя на таких судах в полной безопасности.)

Но кое-какие сведения о нравах судовладельцев у него имелись.

– Скотленд-Ярд? – подскочил сэр Брюс. – Это уже слишком! Вы понимаете, что будет, если властям станет известно о случившемся?! Хотя... признаюсь, у нас на борту присутствует под видом пассажира второго класса субинспектор Скотленд-Ярда, а два младших стюарда на самом деле его помощники.

Он в изнеможении провел ладонью по лицу.

– Когда дело касается имущества стольких богатых людей, я не мог взять на себя столь большую ответственность и оставить его без присмотра! Тем более у нас, кроме первого, есть еще и второй класс, и третий, населенный публикой вовсе не обязательно законопослушной...

Ростовцев подумал, что дело и вправду плохо, если уж вице-президент компании так разоткровенничался перед каким-то русским «пинкертоном».

– Но все же, в чем будет состоять моя роль?! – воскликнул Ростовцев.

– Я... – начал было сэр Брюс и поправился: – Мы, как уже говорилось, намерены скрыть это... событие во избежание паники и ущерба для репутации фирмы. Хотя бы до Нью-Йорка! И вы должны, нет, просто обязаны нам в этом помочь! Итак, какое содействие вам потребуется? – воскликнул Исмей. – Мы с капитаном Смитом готовы оказать любое... в тех, разумеется, рамках, которые оставят дело в строжайшей тайне. Можете даже привлечь вышеупомянутых сыщиков, разумеется, не называя им настоящую причину. Я отдам соответствующие распоряжения!

– Но я право же не представляю, чем могу быть полезен! Если вы намерены замять дело, то должен предупредить: опыта в... сокрытии преступлений не имею.

– От вас этого и не потребуется! – живо вступил в разговор Смит. – Сохранение тайны мы возьмем на себя, а вы только проведете негласное расследование и поиск убийцы.

«Всего лишь!» – иронически прокомментировал Юрий про себя.

– Собственно, всю ответственность мы берем на себя! – продолжал вещать Исмей. – Мы, уверяю вас, найдем способ минимизировать огласку, если дело не выйдет за пределы узкого круга посвященных... Впрочем, еще раз говорю, вашим делом будет поиск и нейтрализация убийцы! Все остальное – наше дело!

– Я ведь даже не англичанин! – криво усмехнулся Ростовцев.

– Это никоим образом не помешает ни нам, ни вам! Ибо на судне, как гласят английские морские законы, высшей властью обладает капитан, – мистер Смит при этих словах важно кивнул. – И соответственно капитан вправе поручить расследование происшествия тому, кому сочтет нужным. Так же, как и скрыть его от всех прочих! – довольно резюмировал лорд. – Если вам потребуется письменное распоряжение, скрепленное судовой печатью, оно у вас будет!

– Но почему все же именно я? – гнул свое стряпчий.

– Видите ли, сэр, – процедил Исмей. – На это у нас есть свои соображения. Дело в том, что в последние лет десять убийства русских за границей – это чаще всего дело рук самих русских. У вас в стране не самые спокойные времена и поэтому я имею основания полагать, что убийца – один из имеющих на борту подданных русского царя!

– Царя, значит? – зачем-то переспросил Юрий. – А скажите...

– Вы о гонораре? – встрепенулся Исмей, не скрывая радости. – Он, заверяю вас, не заставит вас сожалеть о согласии!

– А я еще не дал его! – неожиданно сам для себя бросил стряпчий, а затем встал и шагнул к двери.

– Э-э-э... – как-то слинял и поблек сэр Брюс.

– Так дела не делаются, мистер Исмей! – Внутренне Ростовцев ликовал, кажется, он нашел способ уклониться от этого сомнительного дела. – Сперва назовите цифру, и я подумаю, соглашаться или нет! Ибо господин Жадовский должен был вам сообщить, что я не имею привычки работать даром!

– Тысяча фунтов...

Молча покачав головой, Юрий сделал второй шаг к двери, отметив, что Лайтоллер собирается загородить ему путь.

– Две!

– Хорошо, половина сейчас и наличными! – не моргнув глазом, улыбнулся Юрий.

Сейчас его назовут наглецом и выгонят. Оно и к лучшему!

Но вместо этого, ни слова не говоря, капитан Смит переглянулся с Жадовским и тот достал из бюро конверт розовой бумаги.

– Вот, Юрий Викторович! – и протянул конверт оторопевшему Ростовцеву.

Тот машинально открыл его и пересчитал деньги.

Ровно двадцать купюр по пятьдесят фунтов – самая крупная банкнота, какую выпускало Соединенное Королевство.

Ростовцев стоял в нерешительности. Было еще время отказаться, бросить деньги на стол и уйти, не оборачиваясь.

Никогда ему не предлагали подобной суммы, тем более, сразу и без всяких расписок. Десять тысяч рублей – не шутка!

Но дело было даже не в деньгах. В конце концов, кто-то убил человека. Плох ли, хорош был барон фон Нольде, но убийство есть убийство...

– Ладно, будем считать, что мы пришли к соглашению. – Ростовцев опустил конверт в карман халата.

Еще подумалось, что наверняка у них в запасе был еще один такой же – с меньшей суммой.

«А ведь хорошо же вас припекло, господа!» – злорадно прокомментировал он про себя.

– Это все?

– Почти! – Исмей быстро подошел к Ростовцеву и взглянул ему прямо в глаза. – Кроме нас с вами, присутствующих здесь, о случившемся никто не должен знать. Никто, включая прочих офицеров «Титаника»!

– Ясно! – коротко ответил Юрий, чуть склонив голову. – А сейчас с вашего разрешения я хотел бы осмотреть... место происшествия.

– Да, разумеется, – кивнул лорд. – Мистер Макартур и мистер Лайтоллер вас проводят.

* * *

В безлюдных коридорах тускло горело ночное освещение. Вдоль темно-красной ковровой дорожки тянулись ряды белых двойных дверей с блестящими номерами. Ни один звук не проникал из апартаментов – их обитатели давно уже отошли ко сну. Слышен был только негромкий шум неутомимых судовых машин.

Пройдя все теми же узкими трапами и переходами, они оказались на палубе «В» в кормовом аппендиксе перед двойной белой дверью с прозаическим номером В-117.

Лайтоллер вытащил из кармана длинный и замысловатый «капитанский» ключ – от всех дверей на корабле, и они оказались в холле просторной каюты, заметно отличавшейся от той, в которой обитал Ростовцев. Несколько дверей в соседние помещения, большой камин, альков с двуспальной (хм) кроватью. Зеленая обивка стен с золотом, большое зеркало, в котором отражался желтоватый свет ламп.

Но посетителям было не до роскоши апартаментов.

Посреди каюты неподвижно лежало тело мужчины, из спины которого под углом торчала чуть изогнутая рукоять клинка с резной бронзовой гардой.

Помощник капитана и стюард старались отвести глаза от трупа, всем видом показывая, что их дело было доставить Ростовцева сюда и отныне ему предоставлена полная свобода действий.

Нольде лежал, вытянувшись во весь свой немаленький рост, и сейчас особенно было видно, насколько он худ и костляв. Сильно видать побила жизнь прежнего бравого офицера, любимца дам всех возрастов. На нем была дорогая чесучовая пижама темно-серого цвета. Юрий обратил внимание на шелковые серые носки и тонко вышитые ночные туфли.

Смерть настигла барона, когда тот собирался отойти ко сну... Собственно, он и отошел. Правда, сон оказался вечным...

Ну что ж, начнем, благословясь.

Для начала он открыл ведущие в каюту двери.

Миниатюрная гардеробная с двумя складными койками на стене (для прислуги), буфетная, туалет и ванная – отдельно.

Затем приблизился к мертвецу.

Тот лежал, уткнувшись лицом в ковер. Сквозь серые жидкие волосы просвечивала бледная лысина, свалившееся пенсне лежало на полу...

Пальцы правой руки, вытянутой вперед, были скрючены, отчего рука напоминала лапу хищной птицы; согнутые пальцы словно бы пытались вцепиться в нечто, но рука была пуста.

Юрий опустил на колени и взял еще не остывшую кисть Нольде, не без злорадства отметив, как вздрогнул Лайтоллер. А вот стюарду хоть бы что – вышколен на зависть.

На указательном пальце правой руки сиротливо посверкивал черный ободок кольца ворононой стали. Необычное кольцо, редкое. Даже не снимая его, Ростовцев знал, что внутри на золотой подкладочке вычеканен девиз Мальтийского ордена: «Мой Бог, мой король, моя дама!» Такие кольца носили выпускники Пажеского корпуса. Нольде, как он припомнил, начал подпоручиком по Адмиралтейству и лишь потом его произвели в мичманы именованным указом – за арктические путешествия. Потом там была еще какая-то история, смутная и грязноватая, и в конечном итоге вместо Гвардейского экипажа барон оказался в отставке. Но что бы там ни было, вряд ли его убили из-за старых морских или военных дел. Хотя все может быть...

А вот орудие убийства – это уже любопытнее.

Юрий не был большим знатоком холодного оружия, но японский короткий «вакидзаси», парный кинжал к самурайской «катане», узнать мог – как-то попалась в руки книга о японской армии.

Он внимательно осмотрел рукоятку клинка. Шероховатая потертая кожа, кажется, акуля. Отпечатки пальцев не сохранились, хотя убийца, скорее всего, протер ее. Подобрав пенсне, Ростовцев посмотрел сквозь двояковыпуклое стекло на рукоять. Так и есть, ничего похожего на следы пальцев.

А вот то, как наносился удар, это еще интереснее.

Привстав, Юрий сделал замах правой, а затем левой рукой, в которых был зажат воображаемый клинок. Озадаченно наморщил лоб – выходило, что убийца бил левой рукой, сзади и наискось, причем сверху вниз, словно был великаном семи футов.

Стало быть, жертва повернулась к противнику спиной или боком. Из чего следует...

Да, собственно, ничего не следует!

Например, некто мог свободно войти в каюту хоть к Нольде, хоть даже к Ростовцеву и предложить, ну, пусть, партию в бридж. Кто заподозрит соседа по первому классу на роскошном лайнере?

– Вы что-нибудь обнаружили? – нарушил молчание Лайтоллер.

– Да, господин Нольде был убит японским кинжалом, – не моргнув глазом, ответил Ростовцев.

– Вот как? – нахмурился мистер Чарльз. – Нужно немедленно проверить списки пассажиров, не затесался ли в третий класс какой-нибудь япошка! А черт – во втором классе вроде как раз японец есть...

– В этом нет нужды, – молвил Юрий, поднимаясь с колен. – Барон фон Нольде участвовал в войне с японцами и даже был в плену. Этот кинжал вполне может быть сувениром в память о пребывании в стране микадо.

– Значит, убит собственным ножом? – пожал Лайтоллер плечами. – Бывает! Помню в Глазго... Впрочем, неважно! – пробормотал он полусшепотом.

Стряпчий, тем временем поднявшись и смахнув с фланели брюк несуществующие пылинки, повернулся к маячившему у дверей стюарду.

– Мистер...

– Макартур, сэр! – откликнулся тот.

– Да, разумеется! Будьте добры, это ведь вы нашли труп?

– Не совсем так, сэр! Дело в том, что господин Нольде еще утром попросил обязательно его разбудить в определенное время. Он очень настаивал и даже дал заранее полкроны на чай. Когда пришел условленный час, я позвонил в каюту, но никто не отозвался. Я предположил, что с господином Нольде могла случиться какая-то неприятность, и обратился к мистру Лайтоллеру, после чего мы открыли каюту и сразу доложили капитану о... случившемся.

– Кстати, вы ничего здесь не трогали? – осведомился Юрий у стюарда. – В смысле – тело?

– Никак нет, сэр, – коротко отрапортовал англичанин. – Я знаю правила на такой случай. Кроме того, я видел, что мистру Нольде уже ничем не поможешь.

– А вы уверены, мистер... – пришла в голову стряпчего некая мысль.

– Макартур, сэр!

– Мистер Макартур, вы уверены, что он был мертв, когда вы вошли?

– Да, сэр! Я достаточно хорошо разбираюсь в покойниках...

И отвечая на незаданный вопрос, стюард уточнил:

– Бурская кампания, 2-й Королевский ланкастерский полк, сэр. Прошел от начала и до конца!

Ростовцев кивнул. Пожалуй, человек с таким послужным списком и в самом деле разобрался в покойниках.

– Как вы думаете, давно ли его прикончили? – вмешался Лайтоллер, обращаясь не то к Макартуру, не то к Ростовцеву.

– Труп еще не окоченел, стало быть, три или четыре часа тому назад. Хотя...

У мертвеца из кармана пижамы свисала часовая цепочка.

Вытянув золотой брегет на свет электрических ламп, Юрий увидел, что стекло циферблата треснуло от удара об пол. Стрелки остановились на 05.33.

– Вот как? А сейчас у нас сколько?

– Три часа сорок одна минута, – сообщил Лайтоллер, сверившись со своим морским хронометром...

– Старый, как мир, и тем не менее действенный прием, – прокомментировал Юрий.

Кто-то явно хотел запутать следствие.

Стоп, подумал он. А зачем вообще эта возня с часами?

Ростовцев подошел к иллюминатору, отдернул занавеску. Несколько секунд изучал толстое закаленное стекло в никелированной раме. Тронул фигурные оголовки болтов. Завернуты намертво! Странно, однако! Их даже не пытались отвинтить, а, казалось бы, выкинь труп в море – и воистину концы в воду! Или убийцу кто-то или что-то спугнуло? Впрочем, если убийство не было заранее обдуманным, преступник мог просто растеряться. Вспомнил уголовную хронику или полицейский роман, наскоро обтер рукоять, кокнул часы и сбежал.

Раздумчиво подойдя к столику, он некоторое время созерцал расставленные на нем предметы.

Фотография фон Нольде в рамке – видимо, уже давняя. На ней лохотный морской офицер выглядел косматым, заросшим, как медведь, бородачом-викингом. В грубом свитере и распахнутой штормовке он стоял у мачты какого-то судна. На заднем плане – низкий берег и черные заснеженные скалы.

Должно быть, снимок тех времен, когда старший лейтенант флота бороздил полярные моря. Юрий повертел снимок в руках и вернул на место, еще раз поразившись, как сильно изменился прежний здоровяк-моряк.

Открытый несессер, неприятно напомнивший Юрию его собственный, может, даже купленный в том же парижском магазине. «Вечное перо» Паркера.

Портмоне – проверив его, Ростовцев обнаружил в нем нетолстую пачку однодолларовых купюр, несколько десятишиллинговых британских банкнот, а в секретном отделении – аккредитив на Нью-Йоркское отделение Русско-азиатского банка и пару «петров»⁴. Значит, это не ограбление, если, конечно, барон не вез что-то более ценное.

Хотя грабители и вору вряд ли прошли бы мимо валяющего кошелька...

Он поглядел в сторону молча созерцавших его работу Лайтоллера и Макартура.

В России его бы давно замучили советами и вылили на голову ворох версий: кто убил, зачем убил и что все это значит. Юрий вспомнил непристойный анекдот про разницу между парижскими и питерским любителями свального греха.

А тут воистину настоящий английский характер – человек делает свое дело и нечего лезть с советами, куда не просят.

О, а вот это уже интереснее. На столике у фото лежала пара ключей со знакомой латунной биркой. Странно... Если, конечно, стюард не врет, то чем же тогда убийца запер дверь?

– А дверь точно была закрыта? – переспросил он зачем-то.

– Да, сэр! – Макартур сейчас был живим воплощением главного принципа британской прислуги: «джентльмен в услужении у джентльменов».

– А у кого еще есть ключи от пассажирских кают? – справился Юрий.

– Второй комплект ключей имеется у пассажирского помощника, мистера Лоу, но он только полчаса назад сменился с ходовой вахты, а до того все время был на мостике, – по-военному четко отрапортовал Лайтоллер. – Имеется еще мастер-ключ у капитана и старшего офицера. Еще иногда пассажиры доверяют ключи прислуге или стюардам, – при этом мистер Чарльз, как на миг почудилось Юрию, как-то нехорошо покосился на Макартура.

Сыщик поднял ключи и рассмотрел внимательнее. Замки тут, однако, довольно простые, сам Ростовцев смог бы за десять минут соорудить подручными средствами подходящую отмычку.

Впрочем, это как раз не показатель – наставником его в «науке» работы с ключами и замками был ни кто-нибудь, знаменитый питерский «маз» – домушник Иван Рыло, отчаянно маявшийся вынужденным бездельем в сибирской глухомани и от тоски взявшийся обучать барича-«политицкого» любимому делу.

– Мистер Макартур, – попросил он. – Все же попытайтесь вспомнить, было ли что-то еще в каюте в ваш утренний визит, чего сейчас нет?

Макартур сосредоточенно свел брови, обводя глазами роскошный интерьер.

– Кажется, был еще небольшой бювар темно-красной кожи. Да, он лежал на столе там же, где стоит фотография, – сообщил он минуту спустя. – Хотя простите, но с точностью утверждать не могу.

⁴ Жаргонное название дореволюционной купюры в 500 рублей с портретом Петра I.

Взгляд Юрия уперся в сиротливо лежащую паркеровскую ручку, поблескивающую золотым пером. Накануне смерти Нольде, вероятно, собирался что-то писать.

Короткий осмотр чемоданов ничего не дал. Костюмы, хорошо пошитые и в меру дорогие, старинное лютеранское распятие из источенного червями дуба – не иначе семейная реликвия; белье, включая полосатый купальный костюм, две картонки со шляпами – в одной было три котелка, вдвинутых один в другой, как суповые тарелки.

Башмаки и летние туфли – все добротное и дорогое. Бамбуковая трость, в которой обнаружился острый двадцатидюймовый клинок. Лакированная японская коробочка, пустая, наверное, тоже память о плене.

А это что? Небольшая шкатулка – резная из слоновой – а нет – таки из мамонтовой кости. Тоже память о северных странствиях? Хотя вряд ли – рельефы на ней явно восточные – японские или еще какие в этом же роде.

На ней висел крошечный никелированный замочек, но отпертый. И ключик рядом – на связке... Осторожно открыл шкатулку.

В ней уютно устроились небольшие изящные вещицы – длинная, длиннее обычной, курительная трубка с крошечной нефритовой чашечкой на черепаховом мундштуке, обильно украшенная резьбой и инкрустацией позолоченная маленькая лампа на фарфоровой подставке и фарфоровая же пиала, – из которой сподручнее пить новорожденному котенку. Рядом – длинная бронзовая игла с бронзовым шариком на конце и потемневшим острием.

Трубку, что ли, прочищать?

Лайтоллер, заглянув через плечо, вдруг ухмыльнулся.

– Та-ак – протянул он, – а ваш кэптэн был еще и opium master?⁵

Видал я такое в портовых вертепах – и в Азии, и в Америке и в старушке – Англии.

Юрий неопределенно пожал плечами. Курение китайского зелья на Руси не особо привилось – наш человек все больше на горькую налегает. Но, видать, в своих плаваниях Отто Оттович подхватил и этот порок... Кто б мог подумать – блестящий офицер, дворянин и умница – и словно какой-то грязный рикша дурманит себе разум?!

Что ж, сдается, осмотр каюты больше ничего не даст.

Пресловутый Шерлок Холмс или давний и не очень добрый знакомец, петербургский полицмейстер Аркадий Кошко, может, еще чего и нашли бы, но приходится довольствоваться тем, что имеешь.

Например, тем, что нигде ни следа бумаг.

Версия напрашивалась одна-единственная: Нольде убили из-за пресловутого северного «проекта».

И Ростовцев всерьез пожалел, что ввязался в это дело. Ибо с *некоторых* пор предпочитал держаться подальше от всего, что хоть немного пахло политикой. А тут, похоже, ею не пахло, а просто-таки смердело.

Но что толку сожалеть? Ходу назад уже нет по многим причинам...

Кстати, вот еще вопрос...

– А что вы, простите, думаете делать с... э-э-э телом? – осведомился он у Лайтоллера.

Судя по сконфуженному лицу помощника, он угодил в самое больное место.

– Сэр, мы пока не пришли к однозначному решению. Но, я полагаю, самым целесообразным было бы нам всем вместе, я имею в виду посвященных в этот щекотливый вопрос, выбрав время, отнести покойного мистера Нольде в судовой холодильник, где он благополучно пролежит до Нью-Йорка... Ну, или до возвращения в Лондон. Холодильников у нас восемь больших, не считая обычных, в ресторанах и на камбузе, – почему-то сообщил он. – Кроме того...

Лайтоллер замер, невольно устремив взгляд в иллюминатор.

⁵ Opium master (англ.) – знаток и любитель курения опиума в Англии XIX – начала XX века.

Юрий уже догадался, о чем в этот момент думает офицер. И он, и капитан Смит, а уж сэр Исмей особенно, наверняка были бы не прочь, если бы злосчастный мертвец куда-нибудь исчез. А куда лучше всего спрятать труп на корабле? Станный вопрос. Разумеется, в море.

Такой ход событий Ростовцеву не очень понравился. И не потому, что Нольде был его знакомым или соотечественником. Кроме всего прочего кое-кому могло показаться, что и слишком много знающему сыщику тоже невредно отправиться за борт.

Однако же и предложение Лайтоллера вызвало у него кривую усмешку. Он представил, как их «команда», состоящая из капитана, престарелого кассира, самого Лайтоллера, стюарда, ну и его, пассажира первого касса, потащит мертвяка на растянутом брезенте всеми этими корабельными закоулками. Послав вперед сэра Исмея, чтобы на пути не оказалось спешащего по своим делам матроса или пассажира...

Но, с другой стороны, покойник скоро завоняет. А ну как до Нью-Йорка учуют соседи подозрительный запах из каюты?

– Послушайте моего совета, мистер Лайтоллер, – вдруг пришло в голову Юрию. – Не надо никого никуда тащить. Просто пусть мистер Макартур переложит покойного барона в ванну и принесет из того самого холодильника полсотни фунтов льда. Найдутся ли на «Титанике» какие-нибудь резиновые мешки? Обложите ими барона, этого хватит до Нового Света.

– Да, сэр, – тут же откликнулся Макартур. – Имеются клеенчатые мешки, на шлюпках для продовольствия. Думаю, их будет вполне достаточно, сэр!

– Хорошо, действуйте.

– Что до меня, – продолжил Ростовцев, – то с вашего позволения я сейчас пойду к себе. Мне нужно все записать, обдумать и наметить план действий.

Откровенно говоря, Юрий собирался сейчас прийти и попробовать выспаться, а уже утром на свежую голову определиться с расследованием. Но сыщику положено поддерживать реноме неутомимого и упорного человека, внушать веру в свои силы (хотя сейчас эта вера не помешает и ему самому).

На прощание Лайтоллер вдруг спросил:

– Мистер Ростовцефф, я знаю, что это против судовых правил, но... У вас есть оружие?

– Я обычно не пользуюсь оружием, – качнул головой стряпчий. – Кроме, разве что, ума... – И выразительно постучал указательным пальцем по лбу.

– Тем не менее, если потребуется, у нас в оружейной кладовой имеются отличные «смит-вессоны» тридцать восьмого калибра. При необходимости обращайтесь прямо ко мне!

– Благодарю!

...Юрий открыл дверь каюты и вошел, предварительно повернув выключатель. Надо лечь и попытаться поспать. Думать и действовать будем завтра, а сейчас нужно набраться сил.

Он закрыл за собой дверь и только потом обнаружил, что в каюте не все в порядке.

– Эхм... – только и вырвалось у него.

Сидевшая до того в кресле незнакомка поднялась, умоляюще посмотрев на него, и приложила палец к губам.

* * *

Интерлюдия вторая. ЧАША МРАКА

Черная Земля, столица – Ахетатон, 16-й год правления Эхнатона (1330 год до Р.Х.)

«Вот и кончена жизнь!» – подумала Нефрет, сердце которой сжималось от обиды и боли.

Прошло всего полтора десятка лет с того времени, когда весь мир лежал у ее ног. Самое дорогое осталось для нее далеко, очень далеко, в детстве, когда все кругом было напоено солн-

цем, светом и теплом. Как она любила смотреть на Хапи, несущий свои воды от неведомых истоков к Великому Зеленому морю. Она вспомнила смех подруг, сладкие финики, пьянящий запах цветов лотоса...

Их было так много в ее покоях. Каждое утро слуги ставили в огромные вазы новые букеты лотоса. Эти цветы вплетались в прически и ими же украшались стены покоев. С того времени запах лотоса всегда напоминал Нефрет об утренней свежести и бесконечном счастье.

Счастье, ушедшем навсегда. Навсегда??

...Лучи утреннего солнца золотили комнату, бросали отсветы на стены, скользили по лазуритовым сергам-скарабеем уже не юной, но все еще красивой женщины, на усталое и измученное, но по-прежнему прекрасное лицо. Она сидела, склонив голову, увенчанную синей короной с золотыми кобрами, и бессильно уронив на колени руки. Нефертити ждала гонца – тот должен был привезти ей ответ от фараона, который определит ее судьбу. Царица Та-Кемет уже провела много дней в томительном ожидании и все яснее начинала осознавать, что ответ ее господина вряд ли будет благосклонным. Зловещие предчувствия камнем давят на плечи...

В любое время может явиться посланник. Кто он будет? Вельможа, трясущий объемистым животом в осознании своей солидности и важности миссии? Надушенный благовониями евнух? Мальчишка-писец – преисполненный гордости, что ему доверено донести волю живого бога до отвергнутой женщины? Дворцовый раб – ему, жалкому невольнику, выпадет миссия стать вестником падения царицы? Или грубый, еле говорящий на языке Черной Земли наемник, вроде того ливийца, что стоит у ворот, опираясь на длинное копье?

Нефрет всхлипнула – она вдруг вспомнила, как на ее глазах такие же воины-иноземцы убивали священных кошек храма Баст – когда ее супруг объявил, что нет богов, кроме Атона – Солнца на небе и его – Эхнатона – на земле. Как, смеясь, накалывали на копья кричащих от боли и ужаса бедняжек – каких еще вчера никто бы не посмел и пальцем тронуть! По три-четыре извивающихся в агонии тельца на острие... Что им, дикарям с их дикарскими божками, древние боги святой страны? И что им царица – прикажут – и ее ждет такой же удар копья! Нефертити закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Тяжелой безнадежностью захлестнуло сердце. Жизнь кончена, сколько бы лет ни жило и ни дышало это тело.

Опальная владычица не будет видеть своих дочерей, может быть, только украдкой, издали... Ей – гордой Нефрет – владычице с чистой кровью богов в жилах, придется изо дня в день смотреть, как чувствует себя полновластной хозяйкой во дворце эта отвратительная распутная грязнокровка, неведомыми чарами прельстившая ее супруга. А как вытерпеть, что ее дорогие девочки, наследницы царского рода, прислуживают за столом этой самозванке, как сможет она спокойно наблюдать их склонившиеся в поклоне царственные головки?

Она не сумеет этого вынести. Лучше пусть судьба пошлет ей скорую смерть!

...Сколько себя помнит Нефертити, Владыка Верхнего и Нижнего царства – Жизнь-Здоровье-Сила – Аменхотеп всегда с восхищением смотрел на ее тонкие руки и изящную шею. Казалось, взгляд царевича устремлен в неведомую даль, куда нет доступа смертным! Нефрет привыкла к неземному взгляду и к тому теплому спокойствию, которое дает постоянство. Это было так естественно: они всегда рядом, всегда вместе, такие разные и столь необходимые друг другу. А потом супруг ее явил себя с совсем другой стороны...

День обнародования «великого повеления» стал днем скорби и печали для обеих земель древнего царства. Нефертити хорошо помнит, с каким непроницаемым лицом сидел на троне в то утро супруг, прижимая к груди священный жезл, каким раскатистым эхом разносилось в звенящей тишине каждое слово «сына Солнца» по всей державе. Она помнит немой ужас кормилицы, растерянные взгляды дочерей и внезапно закравшуюся в сердце тревогу. А потом она услышала слова невероятного, невозможного указа – которым Аменхотеп провозглашал единственным богом Атона – всетворяющий, дарующий жизнь и смерть солнечный диск, а себя – его сыном, наделенным властью бога-отца. Весь остальной пантеон богов Черной Земли пре-

давался забвению. Неповиновение каралось смертью. Вот тогда-то Аменхотеп, отрекшись от своего славного рода и имени, и стал Эхнатоном.

Храмы великих богов и богинь от границ Нубии до топей Дельты превращались в руины, среди которых завывали шакалы и рыскали прожорливые гиены. По царскому указу даже в самые отдаленные уголки страны к древним храмам снаряжались отряды карателей. Терзая зубилом и молотом священные камни, посланцы фараона уничтожали письмена, славящие опальных богов, и разбивали их статуи. Убивали и священных животных – ибисов Тота, крокодилов Ра, быков Хнума и кошек Баст... Убивали и тут же съедали их наскоро изжаренную на кострах плоть – что наемники: негры, ливийцы и «люди моря» – каких считали дикарями даже ливийцы; что рожденные в Черной Земле – словно мстя священным тварям за прежний трепет.

Немыслимо было перечить фараону: в те дни даже стены хижин простолюдинов имели уши. Никто не мог поручиться, что завтра к его дверям не придет конвой. Вероотступникам самое меньшее отрезали носы и били плетью. Могущественные фавориты, еще вчера упивавшиеся властью и богатством, сегодня взирали пустыми от ужаса глазами на царя-бога. Придворные и вельможи спешно меняли имена, называя себя в честь всемогущего Атона. Нефрет же получила в дар от любимого супруга имя Нефр-Нефру-Атон.

Строительство новой столицы продвигалось быстро: тысячи рабов и простолюдинов согнали сюда со всех подвластных земель, работа не прекращалась ни днем, ни ночью.

И вот через два года в Град Атона вместе с Эхнатоном въехала на золотой колеснице Нефрет. Размах и красота ошеломили ее – и забылись ужасы богоборчества и страх, что разгневаются Девять Владык и сонм богов помладше...

Но еще до того Нефертити отбросила сомнения и полностью поддержала мужа и стала не менее убежденной сторонницей новой религии, чем сам Эхнатон. Ни одно из храмовых действий не могло происходить без нее, залога плодородия и процветания всей страны. «Она проводит Атона на покой сладостным голосом и прекрасными руками с сестрами, – говорили о ней льстивые надписи, – при звуке голоса ее ликуют все». В то время щедр и великодушен был Эхнатон. Его жестокое сердце будто бы смягчилось... Привлеченные щедрыми посулами, отовсюду в Ахетатон спешили скульпторы, зодчие и живописцы – строили великолепные усадьбы и божницы, расписывали стены домов и гробниц яркими фресками.

Легко было в те дни на душе у Нефертити. Любовь фараона горела жарким незатухающим пламенем. Он осыпал жену пышными дарами: усадьбы, обширные виноградники, сады, зернохранилища и пивоварни. Велел построить для Нефрет личный флот и каждый корабль увенчать изображением ее прекрасной головки. А чтобы его возлюбленная была самой богатой царицей в мире, отдал Эхнатон в ее распоряжение треть казны.

Из уст в уста передавались легенды о богатстве и красоте царицы. Вся страна пела в ее честь гимны, именовали повсеместно «повелительницей всех женщин», «божественной, женой великой царицей, возлюбленной его». Ни властная Тия, обласканная Аменхотепом, ни мудрая Хатшепсут не достигли такого величия. Высоко вознесла воля фараона прекрасную Нефрет, и неслась она ввысь на крыльях его любви, не зная, что придется падать так, как не падала ни одна владычица черной земли Та-Кем... Беда пришла с той стороны, откуда ее не ждали. Шесть дочерей родила Нефертити, а долгожданного сына все не было. А боги (то есть бог Атон конечно) мог забрать к себе фараона в любой момент, и государство тогда останется без наследника.

Тут-то и подняли голову завистники и враги несчастной царицы.

Нашлись доброты, познакомившие Эхнатона с прекрасной юной наложницей именем Киа.

Когда та появилась при дворе, Нефрет теперь и не вспомнит. Только поразила она царицу бешеным разлетом черных бровей, жгучей красотой и диким блеском настороженных глаз. И хоть и была она чужда темной страсти, что питают иные женщины к себе подобным – все же

на миг подумала, что неплохо быть женщиной и овладеть такой красоткой. И назавтра забыла о смуглой дикарке. Да и разве был у Нефрет повод беспокоиться?! Сколько их было – звонко-голосых певиц, гибких танцовщиц, утонченных дочерей знатнейших вельмож и привезенных с военной добычей дикарок. Но все эти женщины были вроде пиршественной песни: споешь ее, разгоряченный дурманом ячменного пива, и к утру забудешь. Она же – жена и царица – мелодия, которую сердце Эхнатона поет вечно.

А Киа как коварная хищница, словно выжидала своего часа. Мягкой кошачьей поступью подкралась она к стонущей груди фараона и похитила его сердце. Чем приворожила, чем привязала она его? Только все реже посещал супруг покой Нефрет. Теперь в почете была Киа. Все жаркие дни и темные ночи проводил Эхнатон с необузданной девкой. Не Нефертити, а строптивую полукровку осыпал теперь властитель пышными дарами. А Киа была в самом расцвете полнокровной чувственной красоты. Ей великий фараон теперь отдал тело и душу, а если бы мог, то положил бы к ее ногам и звездное небо, и священный Хапи. Своей дикой жгучей любовью эта дерзкая тварь испепелила счастье Нефертити: бессильна была Великая Царица Верхнего и Нижнего Египта противостоять столь огненному чувству.

И тогда Эхнатон вознес Киа выше венценосной Нефрет, сделав ее «Младшим Великим Домом – сыном Гора» – сыном, а не дочерью!

Он разделил с ней власть и отдал в руки полукровки древний трон великих правителей Египта. Если Нефертити была царицей, то Киа стала царем. Не царицей, а *царем* – почти равным фараону.

У царицы перехватило дыхание... Что же теперь ее ждет?

Прикажет ли божественный супруг удалиться из столицы и провести остаток жизни в глухом селении, вдали от детей и близких? И тогда опальная и забытая, она быстро состарится от горя и безысходности: жаркий ветер пустыни – обиталища Сета Красноглазого (уж *этому*-то никакие запреты не страшны, ибо, как гласят легенды, он был еще до Девятки – и не зря его тотем украшал жезлы и короны древних царей-Скорпионов), иссушит и покроет глубокими морщинами утонченное лицо, время разъест нежное стройное тело. И однажды она навеки уснет на своем холодном ложе. Тогда ее, высохшую и выпитую страданием, распотрошат провинциальные неумелые бальзамировщики, пропитают обветшавшую мертвую плоть солью и содой вместо древних бальзамов царских погребений и, небрежно бросив на грудь букет васильков, положат в грубый каменный саркофаг. Жрецы наскоро прочитают ей напутствие в Страну Мертвых, замуруют вход выдолбленной в скале гробницы и забудут о ней навсегда. Так закончит свой земной путь величайшая и некогда самая могущественная из всех цариц...

А может, ей, как тысячам несчастных, посмевших быть неугодными всеильному фараону, суждено принять смерть?

Что старые боги, что Атон – в коего она уверовала со всей силой (ибо как не верить в бога, в коего верит муж?), не говорили с ней. Вот и сейчас высшие силы молчат, не желая подсказать своей верной дочери, что и как делать. Вот разве что спросить обо всем этом «Чашу Мрака»? В памяти ожило отрочество – рассказ ее наставника – старого уже верховного жреца Тота, его Начальника Мастеров⁶, мудреца – Мекнеса. Вот он, рассеянно теребя в руках ритуальный парик, ведет рассказ, как, будучи еще молодым, был отправлен дедом Нефрет вместе с людьми фенеху в далекий, очень далекий Таршиш⁷, чтобы узнать пути, какими в страны Великого Зеленого моря приходит олово, и нельзя ли купить его подешевле. Ну и заодно узнать о мире

⁶ Начальник мастеров – титул верховного жреца в Древнем Египте. Есть основания подозревать опосредованную связь с масонской степенью Великого Мастера.

⁷ Таршиш (финик), он же Тартесс (лат. Tartessus, исп. Tartessos) – древний город, существовавший в Южной Испании в I-м тысячелетии до н. э. – центр богатой и своеобразной культуры невыемленного происхождения. Сведений об истории города сохранилось немного, точно неизвестно даже его месторасположение.

больше («Тогда еще, – вздохнул старик, – тяга к знаниям была свойственна жрецам, а ныне папирусы, содержащие мудрость веков, потихоньку истлевают в хранилищах, а жрецы лишь твердят обряды и магические формулы, думая, что вызубренные слова, а не истинное знание что-то значат»). Плавание было не очень удачным, и тайны морских дорог так и остались тайнами для сынов Черной Земли – хотя необычная страна и город, управлявшийся Сынами Океана – таков был титул царей Таршиша, – вызвали у него большой интерес. И вот в ожидании, пока корабли пойдут назад, он со спутниками прогуливался по берегу у столпов Мелькарта: так жители Тира и Сидона называют место, где Великая Зелень впадает в бескрайнее Западное море. И наткнулся на выброшенную морем ладью. Размером она была примерно такой же, как Ладья Вечности – на коей совершают свое торжественное плавание по Хапи владыки Верхнего и Нижнего царств. Но была она выдолблена из ствола огромного дерева, а не сбита из досок, как Ладья или корабли финеху. И мачта была сломана, хотя парус уцелел – рваный и истлевший. В ней не было живых – лишь дюжина трупов смуглых и скуластых людей, перед смертью испытывавших, судя по всему, голод и жажду. Сопровождавший их моряк с корабля финикийцев, родом экеуша или туруша⁸, предположил, что лодку унесло штормом от берега далеко в море и те умерли от голода и жажды...

Правда, было непонятно, откуда их могло принести? На огромном южном материке, в восходном углу коего расположилась Та-Кем, живут черные и коричневые люди. В северных землях – белокожие и светловолосые. Есть вроде бы очень далеко, за страной ашшуров⁹ и Баб-Илу¹⁰ и даже за землей Бха-Рати, изобилующей золотом и слонами, и за тамошними горами страна, где живут желтокожие и скуластые, лицами подобные кошкам. Может быть, если правда, что, как говорят тайные свитки Тота, мир сотворен круглым, как яблоко, до их земли можно добраться через великое Западное море? И они не так далеки?

– Потом я расспрашивал у жителей Таршиша. Старые корабельщики, – журчала речь Начальника Мастеров, – утверждали, что море Тоталь, как еще говорят, – приносит много загадок.

Когда они ходят к островам олова, то в море встречаются стволы неизвестных деревьев и ветви с незнакомыми плодами – иные даже не очень сгнившие, и орехи какого-то странного дерева с терпким питьем внутри. Говорят, встречались в открытом море и лодки с людьми, каких никто до того не видел, но мертвыми...

...Спутники советовали Мекнесу столкнуть лодку в волны – отдав духам моря то, что они уже взяли. Но он, однако, как слуга бога письма и учености внимательно изучил тела и ладью – хотя трупы уже начали пованивать...

(«Словно храмовые пруды, где живут звери Себека»¹¹, – пошутил он тогда с легкой улыбкой.)

Он взял из лодки несколько ожерелий из цветных раковин и камней, в одно из них были вплетены маленькие золотые самородки; кувшин с цветным рисунком, топорики шлифованного камня... Взял также уцелевшую в мешке из лыка пригоршню странного зерна, похожего на мелкие желтые лошадиные зубы – думая его посадить (увы, видимо, морская вода повредила его и оно не взшло). И это зеркало – рука одного из мертвецов тянулась к нему в последнем жесте – словно бы он хотел увидеть в нем путь к спасению. Он изучал его долгие годы и в конце концов понял, что предмет и в самом деле необычный и может показать грядущее.

Она спросила у Мекнеса – смотрел ли он в зеркало. И тот вдруг горько разрыдался, сказав что «Чаша Ночи» (так он его называл) провозвестила немислимые беды для государства. Но

⁸ Экеуша – грек (др. – египетск). Туруша – этруск (др. – египетск).

⁹ Ашшур – ассирийцы (др. – египетск).

¹⁰ Баб-Илу – Вавилон.

¹¹ Зверь Себека – крокодил.

ничего толком не прояснил, а через четверть луны внезапно умер – впрочем, ведь он был уже стар...

А зеркало, согласно его воле, отослали в сокровищницу храма бога Ра, что в Иуну. Оттуда она зачем-то вытребовала его, когда старых богов отменили, – может, в память о наставнике. И вот теперь – может, оно даст ей шанс?

С опаской покосилась на темный каменный круг. Вопросить жутковатое зеркало или нет? Для ритуала, как говорил Мекнес, понадобится привязка «Чаша» к вопрошающему. Всего несколько капель крови. Боязно. Знать наверняка свою судьбу – это тяжкое бремя. Все время будет терзать искушение каким-либо образом переделать ее, предотвратить напасти и несчастья. А ведь нельзя, можно натворить еще больших бед. Рука все-таки потянулась к маленькому кинжалу, подарку мужа. Всего пару капель крови...

* * *

С того дня Нефрет вдруг перестала тосковать – чему-то улыбаясь иногда. Вельможи дивились этой перемене – ведь, казалось бы, царствованию Нефертити пришел конец, а она не печалиться. Но вскоре все удивились еще больше...

Киа была снова возвращена в гарем. О «младшем царе» словно и забыли.

Нефертити и Эхнатон вновь сидели на троне вместе, и никто не дерзал предлагать фараону наложниц. А когда льстецы поздравляли ее с избавлением от соперницы, Нефрет высокомерно молчала или говорила коротко: «Такова была воля Атона».

Однако счастье было недолгим.

Не прошло и двух лет, как умер Эхнатон. Трон унаследовал Сменхкар – племянник царицы, муж первой дочери. Вскоре Сменхкар умер и престол занял Тутанхатон, быстро сменивший свое имя на Тутанхамона – другой родич, женившийся на другой дочери фараона. Страна понемногу забывала бога Атона, насажденного Эхнатоном, снова поклоняясь Амону-Ра. Снова ожили храмы Тота и Нейт с Хнумом, а кошки Баст могли гулять, где вздумается, – отчего стало больше зерна в амбарах, ибо сильно сократились числом крысы и мыши. Столицей вновь стали Фивы, но Нефертити до последнего своего часа жила в Ахетатоне – столице своего мужа, которая строилась на ее глазах. Нефертити умерла в почти пустом городе. Ее торжественно похоронили, как она и просила, в гробнице рядом с Эхнатоном.

Имя мятежного фараона вскоре будет проклято, почти все его портреты и статуи уничтожат, память о нем предадут забвению. О некогда божественном «сыне Атона» станут говорить не иначе как о «враге из Ахетатона».

Память о Киа мстительные потомки Нефрет также сотрут – ее лишат даже собственного гроба.

Вспоминали и о зеркале – мол, царица увидела в темной глади зеркала свою собственную судьбу и участь супруга. Но вскоре об этом перестали говорить и «Чаша Мрака» сгинула в недрах дворцовой сокровищницы – до времени...

А потом в страну Хапи вторглись грубые персы под началом царя Камбиза...

* * *

11 апреля 1913 года.

Юрий так и застыл молчаливой статуей, оглядывая ладную фигуру девушки, на секунду задержавшись сначала на изящной округлой груди под темно-синей тканью простого строгого платья, а потом на мягких каштановых волосах. Затем некоторое время созерцал абрис тонких, красиво очерченных бровей, сосредоточив взор на миндалевидных глазах оттенка тем-

ного аквамарина, отметил изящные контуры высоких скул и остановился на ее полных розовых губах.

Девушка невольно вздрогнула, и на лице ее появилось странное выражение, совсем непохожее на страх или стыд.

– Что вы делаете в моей каюте, мадам? – наконец, осведомился Ростовцев, обратившись к ней на французском языке.

– В вашей каюте?! – зачем-то переспросила незваная гостья.

Говорила она по-французски правильно, но с каким-то акцентом, который был ему незнаком.

И продолжила уже по-русски, ввергнув его в полное изумление.

– Я просто услышала русскую речь и решила... Я вообще думала, что на корабле из русских я одна. Вы ведь русский? А, впрочем, не важно... – Казалась, она вздрагивает, как в лихорадке, от пережитого волнения.

– Как вы попали...

– Мое платье похоже на униформу горничных этого левиафана... Я увидела в порту двух девушек и решила попытать счастья... Прошла, повезло...

Вообще-то Юрий спрашивал о том, как она оказалась в его каюте.

И та, видимо, догадалась.

– Дверь была не заперта... Извините...

Видать, забыл закрыть дверь, когда выходил. Он и в самом деле не мог вспомнить, запер каюту или нет, уходя с Лайтоллером.

– Ой, простите, как вас зовут? – встрепенулась незнакомка.

– Ростовцев Юрий Викторович. То есть для вас, сударыня, – Юрий...

– Елена. А по паспорту госпожа Кнорринг... Так зовут... звали моего мужа...

– Он немец? – зачем-то спросил стряпчий, машинально проглотив «был».

– Подданный бельгийского короля, хотя какая теперь разница... Его даже не отпели, как самоубийцу...

– Сколько вам лет, Юрий Викторович? – вдруг спросила дама, пока он переваривал это известие.

– Тридцать три... э... – Юрий не мог преодолеть растерянность. – А вам?

Тут Ростовцев спохватился, что задал бестактный вопрос. Но гостья, казалось, не обратила на это внимания.

– Двадцать... три... почти... Вы не простой человек, господин Ростовцев, раз плывете в первом классе на таком корабле? – продолжила она.

– Это не совсем так. Я обычный судейский крючок, даже без диплома. Не закончил, знаете ли, по обстоятельствам, – добавил он, словно извиняясь.

– Ах, вот как!

Повисла пауза.

– Простите, я сейчас запру дверь, – пробормотал он.

Еще не хватало, чтобы сюда сейчас сунулся Макагур или Жадовский.

– Да, конечно... – шепотом молвила гостья.

А потом принялась тихо, сбивчиво рассказывать...

Была она единственным поздним ребенком в небогатой семье обрусевших московских немцев. Отец Елены, гимназический учитель-латинист, жил вдовцом – матушку ее унесла чахотка, когда Елене было шесть лет. А в двенадцать она осталась без отца – того хватил удар прямо на уроке. Воспитывала ее двоюродная сестра отца, старая дева-курсистка. Затем жизнь, казалось, повернулась к ней лицом. Когда ей исполнилось восемнадцать, на благотворительном балу она познакомилась с молодым бельгийским коммерсантом Мишеlem Кноррингом. Тот возил в Россию шоколад и какао из Конго. Сыграли свадьбу. Больше всего радовалась даже не

Елена, хоть и со всем восторгом юной души влюбившаяся в элегантного иностранца, а тетка, чье здоровье к тому времени пошатнулось, и она хотела увидеть будущее единственного родного человека обеспеченным.

Мсье Мишель увез молодую жену на родину...

И на этом счастье и кончилось.

Супруг оказался домашним тираном и бешено, не по-немецки ревнивым, к тому же скрупулезным воистину, как Шекспировский Шейлок. Одержимый желанием стяжать богатство, он пустился в сомнительные затеи, быстро съевшие и без того невеликий капитал. Ее маленькое приданное и даже кольцо с бриллиантом, присланное из Америки тетушкой Мишеля, – все ушло в аферы и махинации. После двух лет брака, не увенчавшегося рождением детей, она была готова бежать, куда глаза глядят, но, как оказалось, это было лишь началом. Состояние катастрофически таяло, а ворох неоплаченных счетов рос. В доме появились новые знакомые мужа. Их он представлял как коммерсантов, но при взгляде на них Елена нередко ощущала безотчетный испуг. И вот супруг затеял очередную аферу и влез в долги, а отдавать было нечем... И тогда один из новых его компаньонов, некий Ван Фельден, темный и нечистоплотный делец, потребовал у Кнорринга молодую жену в уплату процентов...

– То есть как? – невольно вырвалось у Юрия.

(Слышать он про такое слышал – уголовные проигрывали в карты своих веселых девок, а купцы – любовниц, но законную жену?! В просвещенных Европах?!)

Елена всхлипнула.

Как-то под вечер ее муж явился в компании Фельдена, пьяный и рыдающий.

– Вы, мадам, поедете со мной, – глядя на нее масляно блестящими глазами, сообщил с улыбкой Ван Фельден.

«Хелен, прости! Прости!» – пьяно бормотал супруг вслед, пока его компаньон уводил совершенно впавшую в прострацию Елену.

В гостинице Ван Фельден повалил ее на кровать, хрипло дыша и срывая с нее одежду.

И тогда девушка вырвалась и, изо всех сил стукнув насильника канделябром, убежала.

Вернувшись домой, она застала мужа уже остывающим. Тот выстрелил себе в висок, а в передней на столике лежала повестка в суд по делу о банкротстве.

Дальнейшие несколько дней пролетели как в каком-то полусне. Вагоны, дешевые гостиницы, ощущение подступающего безумия...

Пришла она в себя только в Шербуре, и первое, что увидела, был входящий в гавань «Титаник».

И бедняжка снова зарыдала.

– Вот, все что у меня есть. – Она сунула руку в карман платья и вытащила маленький кошелек из тисненой кожи.

Был он довольно тощ, и при движении руки в нем сиротливо звякнуло несколько монет.

– Десять фунтов всего... Все, что осталось... Немного, правда? – голос ее дрогнул, и Юрий только сейчас понял, что та держится лишь последним отчаянным напряжением сил.

Пересохшими губами девушка что-то слабо и еле слышно шептала. Сыщик наклонился и приблизил ухо к ее губам.

– Юрий, я должна вам сказать... Тебе сказать...

Она расплакалась, а потом вдруг прижалась к нему и принялась исступленно целовать.

– Люби меня... – прошептала она сквозь слезы. – Я хочу этого... Мне это нужно...

«Что за?.. Я не могу!.. Я не должен!!»

Но руки девушки уже лишили его воли: они скользнули по его спине и плечам, как по волшебству стянув с него рубашку. Сама Елена меж тем сбрасывала с себя одежды, пока на ней не осталось ничего.

Вот она перебросила через плечо платье, одним махом скинула нижнюю юбку и чулки с подвязками.

«Господи! Да что же я делаю?! Что за наваждение?..» – спросил сам себя стряпчий, да и замер, покоровшись судьбе окончательно...

...Потом они тихо лежали рядом. Ростовцев смотрел в потолок. Елена рядом свернулась клубочком. Голова девушки расположилась у Юрия на плече, и он молчаливо наслаждался ощущением ее присутствия, легкостью тела, шелком волос на своей щеке.

Труп барона, страх мистера Смита и мистера Исмея и все прочее могли подождать.

Он и сам не заметил, как погрузился в сон...

Проснулся Юрий так же внезапно, как и заснул.

В каюте стояла тишина.

Елена лежала неподвижно, натянув одеяло до самой шеи.

Девушка медленно подняла густые ресницы, ее сапфирового цвета глаза были слегка затуманены.

– Вы, наверное, сочли, что я шлюха, раз легла в первый же день знакомства в постель к мужчине? Я прошу вас, поймите... У меня нет во всем мире ни одного человека, к которому бы я могла обратиться в эту минуту муки и страданий. Я еду к тетке мужа, от которого уже полгода не имею известий. Я даже не уверена, жива ли она? Что ждет меня в чужой стране? Помогите мне, господин Ростовцев... Юрий... – прошептала Елена. – У меня нет ничего, кроме себя самой... моего тела... Я же прошу так немного... До Нью-Йорка приютите меня в этой каюте, дальше я сама... Я смогу сойти с корабля незаметно... надеюсь. А если меня найдут сейчас, то наверняка вернут обратно... – собравшись с силами, вымолвила она еле слышно.

Юрий молча погладил ее по голове.

Он знал, что может ждать одинокую девушку в трущобах любого цивилизованного города, в лабиринтах сомнительных гостиниц и притонов. Что могут сделать с одинокой беззащитной молодой женщиной портовые грузчики, матросы или пьяные докеры. Над ней легко надругаются, а потом убьют, сбросив тело ночью с причала с камнем на шее... Или еще что...

Знал он это не из газет и даже не из полицейских отчетов.

В его практике был случай...

Тогда он разбирал дело мошенников из «Эмиральных касс “Блаженный покой”», обиравших одиноких стариков, желавших обеспечить себе достойное погребение. Следом за жуликами Юрий отправился в Одессу и там через старого знакомого по Сибири заодно подрядился отыскать двух юных беглецов – гимназистку старшего класса, дочь греческого купца, и ее сверстника – сына комиссионера-еврея.

Парочка, как у Шекспира, полюбила друг друга со всем пылом юности (и отсутствием мозгов) и до времени сделалась четой – без обрядов и благословений. А поскольку семьи были категорически против, молодые решили в духе дурацких романов бежать. Само собой, прихватив наличность из родительской кассы – девушка одиннадцать тысяч, а гимназист – тринадцать.

И...

И все...

Думали ли юные создания начать новую жизнь с деньгами вдали от непреклонной родни и законов враждующих религий и племен, или просто желали пересидеть грозу, а затем пасть в ноги родителям, Ростовцев не знал, да и не важно это.

Но напрасно родители ждали возвращения блудных детей или хотя бы весточки, обещая негодникам то адские кары, то все простить. Юнец и дева как в воду канули. Сыскное отделение тоже ничего не добилося...

Юрий искал два месяца, но дальше того, что молодого господина, похожего на разыскиваемого Лазаря Ройзмана, видели на Молдаванке в кабачке, где бывают контрабандисты, не продвинулся. На этом все и кончилось.

Девушку нашли случайно спустя без малого год в стамбульском борделе – сломленную, больную, опустившуюся, пристрастившуюся к опию и гашишу... Она все же нашла в себе силы передать письмо в русское посольство. Сколько денег потратили родители несчастной, чтобы дело не получило огласки, один Бог знает. Уже в Одессе, как написал знакомый, она рассказала, что случилось с ее возлюбленным – турки, подрядившиеся переправить их в Стамбул, зарезали парня еще в море, перед этим гнусно надругавшись. И только потом взялись за рыдающую девушку...

– А есть еще мсье Ван Фельден... Он уже, вероятно, ищет меня... – сказала Елена. – Если вы мне не поможете, то, наверное, лучше будет сразу прыгнуть в океан и утонуть... – закончила она.

На ресницах дрожали слезы.

Юрий молча обнял ее. И сам не заметил, как вновь задремал, держа ее в объятиях...

...Сигнал к завтраку отвлек его от воспоминаний... И Юрий заспешил в столовую, по-прежнему пребывая в раздумьях, как ему выйти из того положения, в котором он оказался.

«И отчего же, черт побери, я не взял билет на германские лайнеры, как вначале собирался?..»

Глава 5

Завтрак на «Титанике» можно было без преувеличения назвать королевской трапезой. Как гласили пояснения в меню, именовался он «эдвардианским», ибо именно так любил завтракать недавно скончавшийся король Англии и император Индии Эдуард VII. Как смог убедить Юрий, монарх четверти мира обычно на завтрак вкушал прозаическую треску, после нее мясо, жаренное на гриле, – стейки и охотничьи колбаски, яйца и напоследок – цыпленок на вертеле. Сам Ростовцев, несмотря на бессонную ночь и пережитые волнения, оказался способен проглотить такую гору пищи. А вот окружающие: и сублильные мисс, и упитанные красноты джентльмены, и почтенные старцы, знай себе, уминали за обе щеки истекающее аппетитным соком мясо да запивали столовыми винами девяти, согласно меню, марок.

Впрочем, не все – сидевший за соседним столом в компании желчного сухопарого старика мальчик лет десяти страдальчески отворачивался от трески и канючил у деда, нельзя ли ему каши?

– Не капризничайте, Джерри! – строго цедил старик. – Вам следует радоваться, что мы можем так прекрасно питаться на этом великолепном корабле! Когда я был младше вас, а было это в одна тысяча восемьсот сорок восьмом году, пересекал океан на лучшем корабле того времени, «Британии», судне знаменитой «Кунард Лайн». Так вот, там ресторан напоминал здоровенный низкий гроб с маленькими окошечками, а лучшей пищей была переваренная баранья нога да скверно пахнущий десерт из яблок, винограда и подгнивших апельсинов! А каюта... Проще было жирафа усадить в цветочную корзину, чем человеку в ней устроиться. Не капризничайте, вы, в конце концов, джентльмен!

Сцена так заинтересовала Ростовцева, что, перехватив пробегающего официанта, он осведомился:

– Любезнейший, не знаете ли вы, кто сидит за соседним столиком?

– Знаю, мистер! – заговорщическим полусшепотом ответил тот. – Этот старый господин с кучей денег, лорд Роджер Фаунтлерой-старший, везет внука в Бостон к матери. Сын его – покойный баронет Бенджамин женился на американке, кажется учительнице... Громкий скандал был! Помню лорда Роджера еще по «Мавритании» – вредный старик, всегда распоряжается так, как будто мы индусы какие-то, и почти что не дает чаевых!

За соседним столом слева две чопорные дамы, по виду старые девы, громко обсуждали кулинарные дела.

– Мой новый повар, – жаловалась одна, – совершенно бестолковый. Приходит и спрашивает: «Скажите, мисс Сэвидж, а вот когда мы готовим для гостей тарталетки с икрой на итальянском хлебе, какое масло лучше брать: голландское или французское?»

– Простите, милочка, но это смотря о какой икре идет речь? – ответила вторая, в чрезмерно смелом для ее возраста платье. – Если вы об иранской осетровой, то к ней, наверное, может подойти эльзасское фермерское масло и, конечно, не помешают аркашонские устрицы, без них как-то простовато! Если же говорить о русской белужьей икре, особенно о «golden caviar»¹², то о каком итальянском хлебе вообще может идти речь? Надеюсь, ваш повар не кладет «golden caviar» на итальянский хлеб? Впрочем, в наше время все может быть. Теперь в некоторых ресторанах даже подают белужью икру на серебре. Икра на серебре – это же полная бессмыслица!..

Пока те или другие сильные мира сего изучали карту меню и потягивали аперитивы, элегантно одетые официанты неслышно скользили от стола к столу, разнося блюда на коричнево-бирюзовых тарелках с эмблемой «Уайт Стар Лайн».

¹² Икра белуги-альбиноса – высший сорт черной икры.

Юрий проталкивал в себя цыпленка, при этом не забывая зорко примечать окружающее. Ведь это был первый случай, когда он имел дело с миром настоящих хозяев жизни, замкнутых в себе, истинных господ, перед которыми меркнет блеск старых аристократов и даже монарших корон (и у которых те самые монархи в долгах как в шелках).

Ростовцева жизнь не единожды сталкивала и с крупными промышленниками, и с воротилами-миллионщиками, и с банкирами. Но *те* буржуа, как он теперь понимал, стояли не на самой верхней ступени общественной лестницы, и среди *этих* людей смотрелись бы, пожалуй, как счетоводы или приказчики в собрании купцов первой гильдии.

Эти люди не сидели в своих конторах помногу часов и не проводили дни на бирже, до хрипоты срывая голос выкриками: «Покупаю! Продаю!», лихорадочно сбрасывая растущие ценные бумаги и столь же жадно скупая падающие, чтобы через час или день так же избавиться от них. Нет, тут были птицы иного полета, не доморощенные российские Титы Титычи!

Они переезжали из одного роскошного отеля в другой, путешествовали на собственных яхтах и личных экстренных поездах, и вот так, за сигарой и бокалом шампанского, решали судьбы миллионов и запросто обсуждали сделки, суммы которых превышали бюджет иного государства.

Тем не менее, если верить мистеру Исмею, весьма вероятно, что злосчастного барона прикончил кто-то из этих важных господ. Зачем? Ответить на этот вопрос значило найти убийцу.

После завтрака все разошлись по делам.

Дети играли в серсо, мужчины чинно прогуливались, беседуя между собой, как на парижской Эспланде или лондонской Пикадилли, дамы за чашкой кофе обсуждали мужчин, наряды или суфражизм. Все выглядело таким удобным и приятным в этом плавучем городе.

Но Юрий чувствовал себя чужим на этом торжестве ленивой праздности и комфорта. Ему предстояло делать свое дело...

* * *

Лайтоллера он нашел в коридоре палубы «В».

Тот со злым лицом распекал какого-то молодого моряка с одной узкой нашивкой на обшлаге, пока Макартур скромно стоял у стены.

– Но, господин второй помощник! – оправдывался парень. – Я ничего такого не хотел! Я всего лишь собирался успокоить юное создание, она ведь первый раз на корабле...

– Мне не нужны жалобы... определенного рода! – поставил его Лайтоллер на место. – И не думайте, Моуди, что служанки наших пассажиров – это портовые девки. Иная служанка для хозяйки поближе родной дочери! Впрочем, если хотите, ступайте в третий класс: там полно дур, которые восхитятся вашим мундиром!

Дождавшись, пока получивший выволочку от начальства моряк уберется, Юрий поприветствовал старпома.

– Тут есть место, где мы можем поговорить без свидетелей? – сразу взял он быка за рога.

– Каюта дежурных стюардов, – кивнул Макартур. – Там вас никто не потревожит.

– Ну, давайте, ведите в эту вашу лакейскую...

«Лакейская» вырвалось у него машинально, как бы между делом, но стюард, видимо, не воспринял это как обиду.

Местная «лакейская» была размером меньше вагонного купе и выглядела, как ей и полагалось, скромно, но чисто.

Узкая койка с клеенчатой обивкой, столик у иллюминатора, табурет и медная раковина в углу. Правда, у раковины стояла почти пустая бутылка от «Macallan».

Юрий невольно улыбнулся. Вряд ли местные обитатели купили дорогое виски на свои деньги. Скорее по давнему обыкновению прислуги допивают за господами то, что те уже не в силах вылакать.

Лайтоллер сел на табурет, а Ростовцев примостился на койке. Кивок старшего помощника, и Макартур, чуть склонив голову, вышел в коридор.

– Итак, то, что вы просили, – проговорил между тем Лайтоллер. – Для начала вот вам список русских, пребывающих на борту «Титаника». Мистер Майкл постарался.

Юрий пробежал глазами угловатые рукописные строчки выписки из судовой роли, начертанные четким почерком бывшего офицера, и невольно приподнял брови.

Черт, а и много же русских подданных ищет счастье вдалеке от родной земли! Не ожидал, признаться...

Третий класс – почти две дюжины имен, говоривших, что их обладатели, как выражается Святейший Синод, «коснели» в иудейской вере. Чуть меньше, чем евреев, как следовало из списка, было финнов – в глазах рябило от всех этих Райно, Вяино и Якко. Занятно, финнам вроде не с чего искать от добра добра. Такой свободы, как у Великого княжества Финляндского, в остальной России не будет еще лет пятьдесят, наверное. Да и живут они зажиточно – не то что не сравнить с Рязанской или Тамбовской губерниями, а и иным иностранцам не в пример. Уж определенно сильно получше тех же голозадых итальянцев, про болгар или сербов с прочей балканской босотой и не говорим.

А вот вполне русские – Епифан, Гурий, Авенир... Такие имена обычно дают в деревенских семьях. Кого это понесло третьим классом в Америку от родных изб?

Дальше... Ух ты, Евгений Драпкин, Геннадий Слоковский, Михаил Марков, Филимон Мелкевук, Петр Найденов, Михаил Денков, Дмитрий Маренко... и еще три строки убористым почерком. Ниже приписка: «донские казаки».

Целая семья Кучиевых – кавказцы, впрочем, помеченные как все те же казаки, но уже Терской области. Два армянина. Жемайт из Ковно по фамилии Монтвилло. О, и не просто жемайт, а еще и католический ксендз! И третьим классом? А наши черносотенцы все плачутся в своих листках, что у католиков денег много, а честные батюшки православные перебиваются с хлеба на квас! (Или патер таким способом борется с грехом гордыни и стяжательства?)

Буковецкий Сигизмунд. Несомненный поляк – и тоже подчиненный Ватикана. Служителей Божьих можно бы вычеркнуть из списка... им вроде как не по штату резать людей. Хотя – чего только не бывает.

В памяти невольно ожил читанный в отрочестве роман Крестовского – в нем злокловенные иезуиты губили наивных девушек ради наследства и даже травили обывателей секретным ядом. Чушь само собой...

А это что? Раз, два, три, семь... Почти два с лишним десятка малороссийских имен. Ну, эти, наверное, плывут в Канаду, где уже угнездилось немалое число австрийских русинов.

И еще... И еще...

Под номером тридцать два в списке шла некая Бейла Мур, значившаяся как вдова и подданная императора всероссийского из города Тобольска с сыном семи с половиной лет, который носил имя Мейстер Мур. Что связывало мать и дитя с неприветливым каторжным краем?

Второй класс – три имени. Причем два инженера – Израэль Сергеевич Ниссон, инженер-электрик, двадцати шести лет, и Герман Робертович Регастик, инженер-строитель, тридцати лет, оба из Ревеля. Вместе с ними ехал Самуил Аронович Гринберг, пятидесяти двух лет, – разумеется, коммерсант.

Первый класс – старый знакомец Бонивур. Дальше, вот диво, два англичанина и при этом русские подданные. Артур Джи, пятидесяти пяти лет, и Эдвард Смит, сорока трех. В конце

скромно было приписано: «Ростовцев Георгий Иванович, тридцати трех лет». Добросовестность не изменила старому вояке.

Еще отдельно был вписан швед, некий Эмиль Карлсон. Эти тут при чем?

– Насчет него у мистера Майкла есть свои соображения, но он обещал изложить их лично, – пояснил офицер.

Ростовцев спрятал список в карман.

– Далее, как вы просили, я побеспокоил господина Уорли из Скотленд-Ярда, разумеется, не сообщив ему, в чем дело.

Помощник капитана вздохнул.

– Согласно его конфиденциальным источникам, на борту «Титаника» находятся девять мошенников разного толка. Один торговец фальшивыми бриллиантами, один специалист по «бронзовым» векселям, один создатель дутых акционерных обществ, представитель большого контрабандного синдиката, орудующего в портах обеих Америк, и трое карточных шулеров. Кроме них имеется еще два брачных афериста. Один выдает себя за бельгийского маркиза, второй – за венгерского князя. Но не думаю, что подобные люди нас интересуют.

Сыщик молча кивнул. Жулики такого полета и в самом деле не убивают. Разве что контрабандист... А ведь Нольде вполне мог быть замешан в подобных делишках! Он ведь ушел с флота после какой-то истории, мысленно сделал заметку Юрий.

– Это в первом и втором классе. С третьим, сами понимаете, ничего сказать нельзя, кроме того, что примерно у двух сотен человек документы довольно сомнительного свойства.

Ростовцев понимающе кивнул.

– Дальше по тому, что вы просили... Насчет таинственных исчезновений членов команды, когда приходилось менять их в последний момент... Тут тоже все чисто. За три дня до отхода был нанят новый помощник старшего смазчика. Но тут ничего не попишешь, его предшественник сам поскользнулся на разлитом масле и разбил себе голову, так что пришлось увезти его в больницу.

Еще в последний день было принято трое кочегаров и два штивщика, но их нанимали не вместо кого-то, просто рабочих не хватало, их вообще часто не хватает. Плата маленькая, кормежка скверная, работа тяжелая – многие сходят в первом же порту, особенно на трансатлантических рейсах. Думают, в Новом Свете им медом намазано! – буркнул Лайтоллер. – У нас и сейчас кочегаров некомплект, как я уже говорил, и любой может наняться...

– Кстати, а вообще, что насчет экипажа?

– С командой пока что дела похуже... – крикнул старпом. – У нас девять сотен моряков и... прочих. И тут я могу ручаться лишь за тех, кого знаю лично...

И, уловив вопросительный взгляд Ростовцева, пояснил:

– Вы, само собой, не осведомлены, но достаточно любому прощельге или даже грабителю с большой дороги поступить матросом на перевозящую вино и оливки с бананами шхуну где-нибудь в Бильбао, Палермо или Гаване, и через месяц он сойдет на берег с чистой матросской книжкой, которая вполне сходит за паспорт.

Конечно, компании вроде нашей «Звезды» стараются брать людей с рекомендациями и хорошими послужными списками, но если народу не хватает, особо перебирать не приходится. А еще добавьте, что в команде кого только нет. Ладно, англичане с прочими подданным нашего королевства, ну, норвежцы тоже, эти по бедности толпами в моря издавна ходили. А так кого только нет! – сокрушенно повторил он. – Почти со всей Европы, и это еще мало! Три испанки среди горничных. И даже из Аргентины и Бразилии парни имеются. Кубинец есть один, точно знаю. Негров вот нет, пассажиры не одобряют. А так воистину всякой твари по паре!

– Прямо команда пиратского судна получается! – невольно вырвалось у Юрия.

– Почему же пиратского? – нешуточно обиделся офицер. – Они ведут себя пока что благонаправно и слушаются команд. Хотя вообще вы верно подметили... На «Титаник» набрали людей

черт знает откуда. Команда толком не принимала корабль, чуть не треть здесь те, кто вышел в первый рейс, совсем желторотые. Молоко на губах не обсохло, а они, стервецы, уже думают, что им сам черт не брат! Людей снимали с других судов, даже и не думая, что к чему. Одних поваров мы везем шесть десятков! Шестьдесят голов кастрюльных командиров! На моем первом пароходе, «Ричарде», вся команда была меньше! Рейс у нас еще тот, в общем. Кочегаров в обрез, но до черта поваров!

– Коков, – зачем-то поправил Юрий.

Лайтоллер фыркнул:

– Именно что поваров, мистер! Кок – это парень, который готовит на камбузе честную простую стряпню для команды. А здешним пассажирам разные консоме и спаржу делает *повар*! Вы еще скажите, что стюарды или, упаси боже, горничные – это моряки! Но ведь господа из правления лучше нас знают морское дело! – раздраженно рассек ладонью воздух помощник капитана. – До смешного дошло, вместо старины Мэрдока сунули зачем-то мистера Уайльда с «Олимпиака», Мэрдока поставили на мое место, а мистера Дэвида Блэра вообще выперли и назначили на его пост меня. Убей меня бог, не пойму, в чем польза, если толком никто не успел освоиться с делами. И вот результат – на борту бардак, каких поискать. Вот хотя бы такое дело: пропал ключ от рундука с биноклями впередсмотрящих и никак не могут найти! Ключами Блэр и заведовал...

– И что, на всем корабле нет ни одного бинокля? – озабоченно бросил Ростовцев.

Лайтоллер покачал головой:

– Только один и есть, у вахтенного офицера. Мистер Смит даже написал запрос в правление, но ему отказали. Компания богата, как бабушка самого морского черта, но денег на пару лишних биноклей не выделила!

«Хваленый британский флот! – мысленно возмутился Юрий. – Владычица морей, и весь сказ! Этак чего доброго сослепу врубимся в какую-нибудь “Бургундию”, греха не оберешься...»¹³

– А все-таки, – вернулся к главной теме сыщик. – Вот, к примеру, если бы кто-то из третьего класса или даже из команды задумал зачем-то расправиться с господином Нольде, он смог бы проникнуть в помещения... м-м-м... чистой публики?

– Но, мистер... – помотал головой Лайтоллер. – Из второго класса, может, и мог бы, но проходы из третьего надежно перекрыты. Там решетки, и ключи от них даже не выданы стюардам, обслуживающим нижние палубы.

– Ну а, скажем, какими-то другими путями? Через хозяйственные помещения, через всякие люки и вентиляционные шахты?

Офицер страдальчески вздохнул:

– Ну что вам сказать? Я, когда только попал на «Титаник», и то научился ориентироваться во всех этих переходах и отсеках только к концу второй недели... Но простой матрос или машинист, скорее всего, бы заблудился, не говоря о том, что проделать это незамеченным очень трудно. Вам, конечно, виднее, вы с преступниками больше дело имели, но еще раз повторю, не думаю, чтобы нашего барона зарезал матрос или там кочегар. Будьте уверены, это определенно кто-то из чистой публики! – решительно закончил мистер Чарльз.

Петербуржец был вынужден согласиться, представив себе нелепую картину...

Замызганный кочегар после вахты вытаскивает из сундучка костюм-тройку и цилиндр, вдевает в петлицу гвоздику, натягивает на мозолистые заскорузлые лапищи лайковые перчатки и, вооружившись самурайским клинком, идет убивать пассажиров первого класса...

¹³ «Бургундия» («Ла Бургонь») – французский пассажирский лайнер, столкнувшийся в тумане с барком «Кромартишир» и затонувший в 1898 году. Погибли 563 человека, причем многие – в драках из-за мест в шлюпках. К теме катастрофы «Ла Бургонь» газеты возвращались еще много лет, пока крушение «Титаника» ее не затмило.

– А что, и в самом деле из команды никто никогда не совершает преступлений против пассажиров? – тем не менее уточнил он.

– Вообще-то на море всякое случается! – Мистер Чарльз, похоже, был рад поговорить откровенно с новым человеком. – Но, сэр, поверьте старому моряку: за все время с тех пор, как ступил на палубу, помню лишь один такой случай. На «Ямайке» пьяный коммивояжер обозвал неподобающими словами матушку матроса-итальянца, вовремя не уступившего ему дорогу, и получил за это свайкой в печень. Мы не берем в ум, скажем, бунт на корабле, от чего убереги нас все морские боги! Но давно известно: если пассажира убили или обокрали, ищите другого пассажира. Всякое ведь бывает... Бывает, что после рейса недосчитываются пассажиров третьего обычно класса, – многозначительно ухмыльнулся офицер. – А бывает их толком и не считают, и что уж там у них происходит, бог весть. Только слухи, что на иных лайнерах парню, плывущему на нижних палубах, вполне просто не доплыть в пункт назначения. Нож в спину, ржавый колосник к ногам – и за борт. И все дела!

«А, ты как я посмотрю, мистер моряк, видал виды!» – про себя усмехнулся Юрий.

– Скажите, дружище, – вдруг кое о чем вспомнил Ростовцев. – А как насчет тех пассажиров, о которых не знает команда?

– То есть? – поднял Лайтоллер брови.

– Как бы это сказать, незарегистрированный пассажир, который тайно отсиживается где-нибудь в трюме.

– «Зайцы»? – понимающе кивнул Чарльз. – Случается, конечно. Всего-то и нужно дать взятку в пару-тройку фунтов боцману. Бывает так едут веселые девчонки, но там плата... кхм... – он погладил гладко выбритый подбородок, – другая. Да, в самом деле, об этом я и не подумал, мистер Ростофцэфф. Если на борту «заяц», то он вполне мог бы проткнуть барона и даже десяток баронов, если бы ему взбрела в голову такая блажь. Но вот с чего бы это ему было надо? Впрочем, на «Титаник», пожалуй, никто не мог подняться тайно, подходы к нему охраняла еще и портовая полиция...

Юрий кивнул, хотя как минимум один заяц на борту точно имелся.

– Тем не менее у меня будет еще просьба, – вслух высказался он. – Точнее, две. Во-первых, нет ли у вас в команде доверенного, я имею в виду среди матросов, который бы хорошо знал, что к чему, и которого я мог бы спрашивать на тему обстановки на нижних палубах?

Лайтоллер несколько секунд задумчиво молчал.

– Ну, есть такой. Трюмный старшина Саймон О'Коннери. Мы с ним старые знакомые, так что сошлитесь на меня, если что.

– Второе, мне нужно будет опросить поподробнее стюардов и горничных.

– И стюардесс? А смысл? – удивился мистер Чарльз.

Юрию пришлось в голову завернуть что-то глубокомысленное на тему секретов ремесла детектива, но он решил не изображать Великого Детектива из дешевой пьески.

– Понимаете, эти люди, как вы правильно отметили, не совсем моряки, и знают корабль не с точки зрения моряка, а с точки зрения лакея. Они ходят по каютам, все видят, и могли что-то заметить.

– Это верно вы говорите, а приbedнялись, что не сыщик! – улыбнулся Лайтоллер. – Но вы подумали о том, что надо сохранить тайну?

– Элементарно! – пожал плечами Юрий. – Я просто скажу, что пишу книгу о современных моряках. В крайнем случае, под большим секретом будет сказано, что у некоего важного господина или госпожи пропала ценная вещь и ее лучше вернуть.

– Вам виднее... – Ясно, что мысль об огласке заставляет Чарльза нервничать. – Есть тут одна особа, Вайолет Джессоп. Попробуйте поговорить с нею, скажите, мол, от меня... Ну и на всякий случай...

В ладонь Ростовцеву лег мельхиоровый диск с полтинник величиной – литой жетон с якорем и звездой – знаком «Уайт стар» и надписью по краю: «Detective service RMS “Titanic”».

– А что, у вас есть еще и корабельные сыщики? – удивился Юрий.

– Нет, в деле сейчас только Скотленд-Ярд, но вы же понимаете... – осклабился Лайтоллер. – Службу эту, по правде сказать, просто не успели создать. Таких жетонов сделали ровно три, и они валялись у капитана просто так. Вот я и подумал, что вам они пригодятся, тем более что с сегодняшней ночи вы состоите некоторым образом нашим сыщиком!

– Жаль, что без штатного жалования! – пошутил Ростовцев.

– Не жалейте! – осклабился Лайтоллер. – Компания «Уайт Стар» изрядно скуповата. Да и вообще судовладельцы не особо щедры к нашему брату моряку. Я вот ушел сюда на сорок фунтов в месяц, это ведь довольно завидный заработок, а до того мне предлагали место капитана сухогруза на Карибских линиях за двадцать фунтов. Зато корабельный шеф-повар получает больше, чем наш судовой инженер, и почти столько же, сколько старина Смит, не считая чаевых! – в голосе офицера звучала явная обида.

– Что-то еще? – после короткой паузы осведомился Юрий.

– Как будто нет. Кроме того, что завтра утром сэр Исмей хочет знать первые результаты вашей работы...

– Тогда позвольте откланяться, – поднялся Ростовцев с места. – Не будем терять времени...

* * *

Покинув палубу «В», Юрий отправился на поиски пресловутой мисс Вайолет. Почему он решил начать именно с нее, толком сказать не мог, уж точно пресловутое «чутье» и интуиция тут были ни при чем.

Пожалуй, потому что, во-первых, эту ниточку ему дал сам Лайтоллер, а во-вторых, с чего-то ведь надо начинать?

Изучение схемы корабля сегодня после пробуждения не пропало даром. Он довольно быстро проник в те помещения «Титаника», куда пассажирам обычно ходу не было.

Миновав огромную кухню – сейчас большинство поваров ушли отсыпаться, а их помощники с поварами и посудомоями занимались приведением в приличный вид бокалов и тарелок и судовой пекарни, где пекари под началом шеф-пекаря занимались выпечкой булочек и свежего хлеба для ужина, он оказался возле жилища горничных, или, как их называли на американских судах, стюардесс.

Дортуар, так это помещение называлось официально, находился рядом с турецкими банями, сверкающими нарочитым великолепием, в интерьере которых викторианский стиль смешивался с восточными мотивами. Мозаичные полы, покрытые красно-синей плиткой стены, золоченые орнаменты на потолке, колонны с облицовкой из резного тика...

На поспешный вопрос появившейся у входа в коридор юной девицы: «Что угодно, сэр?» – Ростовцев деловито сообщил, что хотел бы побеседовать с мисс Вайолет.

Как и положено вышколенной прислуге, девица не стала задавать лишних вопросов, а исчезла, чтобы почти сразу вернуться в сопровождении плотной темноволосой дамы лет чуть за двадцать пять на вид.

– Вы искали меня? Я Вайолет Джессоп! Надеюсь, у вас нет жалоб?

– Обратиться к вам мне посоветовал господин Лайтоллер. Я русский журналист, буду писать книгу о «Титанике» и хотел бы как можно больше узнать о нашем судне и вообще о современном торговом флоте. Так сказать, со всех сторон, – как по писанному отбарабанил Ростовцев.

– Узнать, значит, со всех сторон? – В глазах мелькнула невеселая усмешка женщины, и в самом деле знающей эту самую жизнь со всех сторон. – Ну, пройдемте! Чарли... то есть мистер Лайтоллер просто так просить не станет!

Не туда! – остановила она Ростовцева, уже занесшего ногу над комингсом. – Сейчас отсыпается вторая смена стюардесс третьего класса – девушки вымотались, к тому же, извините, после душа они легли не совсем одетыми.

Вслед за госпожой Вайолет он прошел в небольшую кладовую, заваленную стопками простыней, фартуков и полотенец. Кроме них там были еще две горничных. Женщины мило пили чай и о чем-то оживленно разговаривали.

– О, Вайолет, привет, дорогая, – поприветствовала его спутницу одна из них.

– Констанс, мне нужно тут поговорить с джентльменом. Его прислал второй офицер. Можно вы на секундочку выйдите?

Обе стюардессы быстро и без звука исчезли.

– Так что бы вы хотели узнать?

– Ну... знаете, для начала это несколько необычно – женщины, да еще в таком количестве в экипаже корабля. – Юрий решил зайти издали.

– Вы насчет того, что женщина на борту к несчастью? – осведомилась госпожа Джессоп и усмехнулась. – И где вы откопали этот старый хлам? Уж лет семьдесят, как на пассажирских судах начали нанимать служанок, да и до того тоже без них не обходились...

Вы, наверное, изучали жизнь по книгам? Не обижайтесь, конечно, но еще моя ирландская матушка рассказывала мне и про Грей О'Мелли, и про наших рыбацек, что ходили с мужьями до самого Ньюфаундленда за треской и кальмарами.

Прадед мой видел, как взорвался «Родней». На том линкоре среди тысячи погибших женщин было почти три сотни. А что творилось на кораблях, которые тащили ссыльных да каторжников в Австралию? Когда из-за дезертирства и цинги на паруса приходилось ставить трюмных жильцов – и женщин, и мужчин без разбора... Ну, да ладно, вы-то, верно, не это хотите спросить?

– Например, меня интересует, как обстоит дело насчет преступлений на пассажирских лайнерах? – поинтересовался Ростовцев как бы между прочим.

– А, это? – голос Вайолет поскучнел. – По всякому обстоит. Могу рассказать про бунт на «Геркулесе», когда от взбесившихся кочегаров нам пришлось забаррикадироваться в форпике. Знали, сволочи, что, если тронут пассажирок, особенно из первого класса, болтаться им в петле. А простых девушек не жалко, кому до них есть дело?

– Вот как? – искренне изумился стряпчий. – Признаться, не слышал про такое...

– Понятное дело, об этом газеты не так часто пишут. Видать, хорошо за молчание платят...

Они помолчали с полминуты.

– А скажите, миссис...

– Мисс... – сухо поправила его госпожа Вайолет.

– Да, простите, мисс Джессоп. Вопрос нескромный, но...

– Бывает ли так, что пассажиры позволяют себе лишнее в отношении горничных? – невесело улыбнулась она, окинув его взглядом умных ирландских глаз.

Юрий лишь кивнул, про себя подумав, что дама не так и проста, как кажется. Или он совсем не умеет скрывать мысли?

– Что тут скажешь! – продолжила Вайолет. – Раньше, когда я начинала работать, с этим было тяжелее. Корабли болтались в Атлантике, бывало, до двух недель, а не все мужчины согласны терпеть так долго. Ну а уж на Индийских и Австралийских линиях, то уж случалось, не знали, куда деваться! Кроме того, многие джентльмены привыкли, что горничная... – Вайолет печально улыбнулась, – это всего лишь горничная. Опять же, сами знаете, желающих много,

а работы мало. Дашь по мо... извините, лицу важному господину, и вылетишь без рекомендаций! И куда идти, в веселый дом? Зависит от капитана, конечно. Есть и сволочи, прошу простить, а есть и те, что за своего человека заступятся... С другой стороны, гинья-другая – это немалые деньги для бедной девушки, – вновь последовала невеселая усмешка.

– А так, чтобы кто-то, скажем, пырнул пассажира, распутившего руки ножом или огрел по голове бутылкой?

– Вы почему спрашиваете? – подозрительно напряглась мисс Вайолет.

– Книгу, говорю, буду писать! – без запинки ответил Юрий.

– Все равно ведь правды не напишете! – в голосе проскользнуло затаенное презрение.

А потом добавила:

– Как-то года четыре назад на «Батавии» был случай. Нашли в собственной каюте труп лорда Бэксхэда-младшего, лейтенанта кавалерии Его Величества. Он, помнится, возвращался в метрополию из Малайи. Голого, как Адам, и с восточным ножом чуть повыше задницы! Извините, поясницы, – чуть смутилась Вайолет.

– Что вы говорите?! – Ростовцев едва удержался, чтобы себя не выдать.

– Что сама видела! – Глаза мисс Джессоп раздраженно прищурились. – Знаете, такой кривой азиатский кинжал с волнистым лезвием, тонкий, как бритва, а вот название что ни есть английское, навроде имени. Забыла, уж извините...

– Крис! – машинально подсказал сыщик, ощутив, как вспотели ладони.

– Верно, спасибо. Из собственного багажа покойника! Само собой шум, тревога; капитан дознание назначил, всех допросили по два-три раза, искали, кто там последний был в каюте. Да вот не досчитались Клэр Бойн – младшей горничной. Девчонка совсем, восемнадцать лет. Жених у нее был в Дублине, любила его очень сильно. Ну и подумали, выдать, полез под юбку милорд, а она еще и католичка, как и я, если на то пошло... – Она запнулась, словно о чем-то вспомнив. – Вот и говорю – когда лорд тот к девчонке полез, та схватила нож этот, да и ударила, куда пришлось! А как прочухалась и поняла, что наворотила, решила, мол, чем на виселицу или двадцать лет каторжной тюрьмы, лучше сразу за борт. Только вот... – Мисс Вайолет вдруг, как ему показалось, улыбнулась краешком губ. – Говорили потом, будто не утопилась она, а припрятали ее подружки в закутке на нижней палубе, а в первом же порту тайно на берег отправили. Простые люди друг за друга держатся...

– Ну ладно, – кивнул Юрий, вставая. – Спасибо.

– Да не за что! Если у вас найдется еще о чем спросить, заходите в бельевую, там у нас для хороших людей всегда есть чай с ромом и пудингом.

В коридоре он подумал, что хоть в чем-то да не ошибся. Лакеи и в самом деле видят многое, хотя и не всем скажут.

Лакей, лакей...

Черт побери! Конечно же!!

Стряпчий только что не хлопнул себя по лбу.

Вот глупец! Ну разумеется! Кто может войти в каюту незамеченным, кого впустят и не спросят, кого не увидят, точнее, не заметят важные господа...

Стюарда, разумеется! Идеальный убийца – это стюард! Как он этого сразу не понял?

Уже у выхода на верхнюю палубу его остановила давешняя девчонка.

– Мистер, скажите, вы не хотите посетить турецкие бани? – игриво осведомилась она. – Я Мод Слоукум, массажистка! Если у вас возникнет такое желание, я охотно помогу вам отдохнуть. Массаж очень полезен для здоровья...

Юрий все понял и не удивился и не возмущился, в конце концов, еще римские термы кроме всего прочего были пристанищами разврата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.